

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Языковые средства выражения гендерных отношений (на
материале «сетевой поэзии молодых авторов»)

Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.04.01 Педагогическое образование
Направленность программы магистратуры
«Филологическое образование»

Проверка на объем заимствований:
_____ % авторского текста

Работа _____ к защите
рекомендована/не рекомендована

« ___ » _____ 20__ г.
зав. кафедрой русского языка и
МОРЯ

_____ Глухих Н.В.

Выполнила
Студентка группы ОФ-215/122-2-1
Шульга Оксана Сергеевна

Научный руководитель:
Кандидат филологических наук; доцент
Омельченко Елена Витальевна

Челябинск
2017

Содержание

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические аспекты изучения гендерных особенностей в лингвистике	11
1.1.Понятие гендер. Основные подходы к изучению гендера.....	11
1.2.Гендер в лингвистический исследованиях: этапы развития, направления и проблемы	15
1.3. Способы отражения гендера в языке художественного текста	19
Выводы по главе 1.....	25
Глава 2. Языковое выражение гендерных особенностей в текстах сетевой поэзии	26
2.1.Языковые средства выражения гендерных особенностей в стихотворениях Ю. Соломоновой	26
2.2.Языковые средства выражения гендерных особенностей в стихотворениях К. Мельниковой.....	46
2.3.Языковые средства выражения гендерных особенностей в стихотворениях В. Полозковой	56
Заключение	70
Библиография	72

Введение

В современном языкознании прослеживается тенденция к рассмотрению закономерностей и особенностей функционирования языковых единиц с позиций социального и индивидуального языкового сознания человека: акцентируется внимание на взаимосвязи речевой деятельности и этнической принадлежности, пола, возраста, профессии, образования, уровня культуры. Гендерные исследования на рубеже XX-XXI веков вызывают особый интерес ученых. При этом под гендером ученые понимают социальный, психологический и культурно-символический аспекты пола, в которых содержатся неявные ценностные ориентации и установки, воздействующие на роли и поведение людей. [43]

Однако вопрос о взаимосвязи грамматической категории рода и биологического пола не является открытием XX века: символично-семантическая гипотеза, возникшая еще в античности, трактовала наличие в языке категории рода как следствие существования в природе людей разного пола. Позднее этой позиции придерживались немецкие ученые И. Гердер и В. Гумбольдт. На сегодняшний день в науке о языке гендерные исследования обрели статус самостоятельного лингвистического направления – гендерной лингвистики или лингвистической гендерологии, предметом которого является исследование влияния полового фактора на использование языковых средств, возможностей языка для конструирования гендерной идентичности, а также изучение различий между мужским и женским коммуникативным поведением. На развитие гендерной лингвистики как самостоятельной дисциплины оказывают влияние четыре общие для всего российского языкознания установки: экспансионизм (стирание границ, расширение связи со смежными науками), антропоцентризм, неофункциональность (изучение языка как деятельности), экспланаторность (объяснительность). [62]

В настоящее время гендерные исследования в российской лингвистике развиваются весьма интенсивно и ведутся в нескольких направлениях: изучение репрезентаций гендера, в том числе специфики концептов «мужественность» и «женственность», в системе языка (В.Н. Телия, Д.Ч. Малишевская, А.В. Артемова, И.В. Зыкова, А.А. Григорян, Г.Г.Слышкин, Г.И. Кульдеева, Ф.Ф. Фатыхова); гендерная специфика вербального и невербального коммуникативного поведения (И.А. Стернин, Г.Е. Крейдлин, В.В. Ганина, Е.И. Горошко, Ф.И. Карташкова, С.К. Табурова); отражение гендерных стереотипов в языковом сознании (Н.В. Уфимцева, А.В. Кирилина, Е.И. Горошко, Е.С. Ощепкова); лексикографии (М.С. Колесникова, И.Г. Ольшанский); рекламе (М.В. Томская, И.А. Гуссейнова, М.Д. Городникова, Е.В. Милосердова, Л.В. Полубиченко); средствах массовой информации (А.В. Кирилина, Г.С. Двинянинова, И.Г. Серова, Е.С. Гриценко); криминалистике (Р.К. Потапова, Л.В. Кузниченко.); брачных объявлениях (М.Д. Городникова, И.Г. Ольшанский, О.А. Максименко, Л.И. Гришаева); интернете (Т.Н. Захарова.); художественном тексте (И.Л. Савкина, Т.В. Гречушникова, Г.В. Иванченко, Н.А. Фатеева).

В работах А.В. Кирилиной впервые в отечественном языкознании сформулированы общетеоретические основы научного направления, изучающего гендерный фактор в языке, и поставлен вопрос о разграничении идеологизированного (феминистского) и научного подхода к лингвистическому изучению гендера. Значительный вклад в осмысление гендерной проблематики внесли В.Н. Телия, М.С. Колесникова, И.И. Халеева, О.С. Каменская, М.Д. Городникова, И.Г. Ольшанский, которые продемонстрировали, что гендерный подход позволяет точнее и четче учитывать человеческий фактор в языке. С учетом этого для изучения языка была предложена двухъярусная модель, состоящая из метагендерного (общечеловеческого) и гендерного (манифестирующего пол) уровней. [29] А.В. Кирилина обращает внимание

на отсутствие в отечественной лингвистике ярко выраженного феминистского направления по сравнению с западной наукой, что связано с экстралингвистическими факторами, сказавшимися на развитии языкознания в СССР, а затем и России. [47]

Существующие теоретические и методологические основы исследований, связанных с изучением взаимосвязи языка и гендера, можно разделить на два класса. К первой группе относятся работы, в которых исследуются отношения между гендером индивида и определенными свойствами его или ее языка. В центре внимания здесь оказываются характеристики речи, которые взаимосвязаны с принадлежностью человека к той или иной гендерной категории, то есть характерное использование языковых средств является частью гендерной роли. Вторая группа исследований предполагает, что гендерная идентичность не является изначально определенной категорией, а гендер является результатом социального взаимодействия и взаимовлияния индивидов. Интерес в данном случае представляет собой создание гендерной идентичности в процессе интеракции, где язык значителен одним из первостепенных ресурсов. Следует обратить внимание, что в рамках первого методологического подхода язык – часть гендерной роли, а в рамках второго язык сам конструирует гендерную идентичность. [48]

Теоретической базой гендерной лингвистики являются концепции гендеризма (И. Гоффман), власти (М. Фуко), культурной обусловленности полоролевой дифференциации общества (М. Мид). При этом в лингвистической гендерологии нет «одной четко выраженной методологической доминанты. Можно говорить о сосуществовании ряда исследовательских микропарадигм. Наиболее четко определяются: 1) исследования, осуществляемые при помощи дерридеанской деконструкции; 2) исследования диагностического характера, имеющие практическую направленность – определение инвентаря идентификационных признаков мужской и женской речи в виде симптомов

первого и второго порядка в тех случаях, когда пол является релевантным фактором коммуникации». [49]

В настоящее время в работах, посвященных анализу языковых средств выражения гендера, отдается предпочтение текстам научного или официально-делового стиля, а также блогам в интернете и устной речи. Вместе с тем сетевая поэзия, как и сетевая литература в целом, является средством самовыражения, что дает основания предполагать высокую степень продуктивности изучения текстов в гендерно-лингвистическом аспекте.

Явление под общим названием «сетевая литература» оформилось в литературном процессе в конце XX века. Под сетевой поэзией мы понимаем совокупность поэтических текстов, основной средой существования которых является интернет. При этом Ю. Ракика отмечает, что определение «сетевой» может быть применено по отношению к поэзии только в том случае, если тексты были специально созданы для размещения в сети, «сетевыми авторами» же следует называть лишь тех, кто постоянно публикуется в сети или стал известен в сети раньше, чем вне нее. [83] На сегодняшний день сетевая поэзия стала заметной частью литературного процесса.

Материалом исследования послужили 507 текстов, относящихся к сетевой поэзии; из них – 100 текстов К. Мельниковой, 133 текста В. Полозковой и 174 текста (2013 – 2017 гг.) Ю. Соломоновой.

Выбор текстов сетевой поэзии как материала исследования обусловлен также тем фактом, что сетевая поэзия, по замечанию К.А. Елистратовой, является «проекцией картины эпохи, регистрирующей актуальность выбора тех или иных культурно и социально значимых реалий и фикций». [35] Кроме того сетевые поэты имеют высокий рейтинг просмотров, их тексты цитируют пользователи на своих страницах, что свидетельствует об их популярности, а сетевой формат размещения поэтических текстов обеспечивает их широкую доступность

для читательской аудитории. Авторы также подобраны неслучайно: В. Полозкова одна из тех, кто положил начало сетевой поэзии, Ю. Соломонова (Сола Монова) сегодня едва ли не самая популярная сетевая поэтесса, а творчество К. Мельниковой менее известно и существенно отличается от произведений первых двух авторов.

Целью данной работы является выявление языковых средств выражения гендерных отношений в текстах К. Мельниковой, В. Полозковой и Ю. Соломоновой.

Задачи работы обусловлены ее целью:

- 1) Описать существующие в лингвистике теоретические подходы к изучению гендера;
- 2) Выявить способы выражения гендерных особенностей через языковые средства;
- 3) На основании представленных в гендерной лингвистике исследований создать единый перечень признаков, характерных для мужской и женской речи (на материале русского языка);
- 4) Произвести лингвистический анализ стихотворений К. Мельниковой, В. Полозковой, Ю. Соломоновой с целью выявить в них способы проявления гендера на различных языковых уровнях.

Объектом исследования являются тексты стихотворений «сетевых поэтесс» как отражение социокультурных качеств авторов.

Предметом исследования являются языковые особенности стихотворений К. Мельниковой, В. Полозковой, Ю. Соломоновой позволяющие классифицировать тот или иной текст как феминный или маскулинный.

Методы и приемы анализа определяются поставленными задачами, теоретической направленностью работы, характером анализируемого материала: а) метод сплошной выборки; б) метод количественной обработки материала; в) описательно-аналитический метод (приемы: типологизация, обобщение, интерпретация).

Гипотеза исследования заключается в том, что в текстах «сетевой поэзии» находит реализацию гендер как параметр языковой личности. В стихотворениях это параметр получает речевое воплощение по средствам языковых единиц различных уровней.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Гендер в текстах «сетевой поэзии» может проявлять себя эксплицитно, т.е. по средствам номинаций при помощи существительных, в значении которых есть сема «пол», а также употребления глаголов в форме изъявительного наклонения прошедшего времени и условного наклонения и прилагательных с именами существительными, обозначающих лиц мужского или женского пола. Гендерные особенности проявляют себя лексическом и грамматическом уровне, а также на уровне содержания.

2) В стихотворениях сетевых поэтесс можно выделить ряд общих особенностей, характерных для женской речевой модели: эмоционально-оценочные слова, слова, обозначающие чувства, компаративы, эллиптические конструкции, вопросительные и восклицательные предложения, парцелляция, фигуры повтора, однородные члены предложения, вводные конструкции со значением неуверенности. Кроме того, для стихотворений В. Полозковой и Ю. Соломоновой характерно использование диминутивов и приблизительных обозначений, а для текстов К.Мельниковой и Ю. Соломоновой – вставных конструкций, отражающих стремление к «саморокоррекции» и поиск нужной фразы, свойственные женщинам.

3) Признаков мужской речи в анализируемых стихотворениях меньше: сниженная и нецензурная лексика (у Ю. Соломоновой), глаголы в повелительном наклонении (у всех авторов). Наличие мужских черт объясняется тем, что маскулинность и феминность являются абстрактными конструктами, а реальная гендерная идентичность не может включать

в себя только признаки маскулинности или феминности – происходит смешение характеристик в той или иной пропорции.

4) В стихотворения присутствует большое количество языковых единиц, создающих образы мужчины и женщины, а также выражающих взаимосвязь между, что свидетельствует об их значимости в индивидуально-авторской картине мира поэтесс. В структуре образов женщины и мужчины стихотворениях «сетевых поэтесс» при исследовании были выявлены следующие сегменты, представленные рядом лексем: внешность, родственные отношения, семейное положение, характер, обращения, отношения с противоположным полом. Также можно отметить частично стереотипное представление о женщине, а чем свидетельствуют клишированные сочетания, репрезентирующие образ женщины.

5) На содержательном уровне на женское письмо указывает внимание к судьбе женщины, что проявляет себя через раскрытие эмоционального состояния лирической героини и ее внутренних качеств. К признакам женского с точки зрения тематики можно отнести и размышления о проблемах женственности, красоты (с различных ее сторон), одиночества, отношений между мужчиной и женщиной, молодости, счастья и внутренних конфликтов. Раскрытие подобных тем в том или ином ракурсе соответствует стереотипным представлениям об интересах женщин. При этом в большинстве случаев тема раскрывается на основе ситуации из жизни женщины.

Структура работы выстроена в соответствии с поставленной целью и задачами. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии. Во введении обосновывается выбор темы, предмет, объект и материал исследования, определяется актуальность, цели и задачи. В первой главе рассматриваются теоретические аспекты изучения гендерных особенностей в лингвистике, а во второй – языковые средства выражения гендерных особенностей в текстах, относящихся к сетевой

поэзии. В заключении излагаются основные результаты исследования. В библиографии приводятся цитируемые издания.

Материалы работы были апробированы на студенческой научной конференции в рамках Универсиады ЮУрГГПУ "Актуальные проблемы русского языка начала XXI века" (08.04.2017)

1. Теоретические аспекты изучения гендерных особенностей в лингвистике

1.1. Понятие гендер. Основные подходы к изучению гендера

Современная социальная наука различает понятия пол и гендер. Традиционно первое из них использовалось для обозначения тех анатомо-физиологических особенностей людей, на основе которых человеческие существа определяются как мужчины или женщины. Пол человека считался фундаментом и первопричиной психологических и социальных различий между женщинами и мужчинами. По мере развития научных исследований стало ясно, что с биологической точки зрения между мужчинами и женщинами гораздо больше сходства, чем различий. Некоторые исследователи считают, что единственное четкое и значимое биологическое различие между женщинами и мужчинами заключается в их роли в воспроизводстве потомства. Сегодня очевидно, что такие типичные различия полов, как, например, высокий рост, большой вес, мускульная масса и физическая сила мужчин весьма непостоянны и гораздо меньше связаны с полом, чем было принято думать. Например, женщины из Северо-Западной Европы в целом выше ростом, чем мужчины из Юго-Восточной Азии. На рост и вес тела, а также на физическую силу существенно влияют питание и образ жизни, которые, в свою очередь, находятся под влиянием общественных взглядов на то, кому - мужчинам или женщинам - необходимо давать больше еды, кому нужнее калорийная пища, какие спортивные занятия приемлемы для тех или других [87].

Помимо биологических отличий между людьми существуют различия их социальных ролей, форм деятельности, различия в поведении и эмоциональных характеристиках. Антропологи, этнографы и историки давно установили относительность представлений о том, что в одном обществе считается мужским занятием, в другом может

определяться как женское. Отмечающееся в мире разнообразие социальных характеристик женщин и мужчин и принципиальное тождество биологических характеристик людей позволяют сделать вывод о том, что биологический пол не может быть объяснением различий их социальных ролей, существующих в разных обществах. Таким образом возникло понятие гендер, означающее совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола. Не биологический пол, а социокультурные нормы определяют, в конечном счете, психологические качества, модели поведения, виды деятельности, профессии женщин и мужчин. Быть в обществе мужчиной или женщиной означает не просто обладать теми или иными анатомическими особенностями - это означает выполнять те или иные предписанные гендерные роли. [18]. Таким образом, если биологический пол проявляет себя в категориях «мужчина» и «женщина», то гендер – в категориях «мужественность» и «женственность».

В современном понимании гендер – это не следствие индивидуальной биологии или предрасположенности к тому, чтобы быть тем или иным типом человека. Можно сказать, что это вообще не индивидуальное качество, а установленный обществом порядок, частью которого является каждый человек. Гендер отражает одновременно процесс и результат «встраивания» индивида в социально и культурно обусловленную модель мужественности или женственности, принятую в данном обществе на определенном историческом этапе» [29].

Н.Л. Пушкарева в определении гендера обращает внимание на то, что гендер представляет собой как комплексное переплетение отношений и процессов, так и фундаментальную составляющую социальных отношений, причем эта составляющая является одной из основ деления общества по половому признаку и в то же время рассматривается в неделимой связи с биологическими функциями [82]

Е.А. Попова отмечает, что гендером следует называть пол как социокультурный феномен, противопоставленный биологическому полу, причем первый термин включает в себя второй. Гендер акцентирует внимание на социокультурной причине межполовых различий [79]

Гендерная концепция смогла оформиться в самостоятельное научное направление в период постмодернизма, что произошло «благодаря отказу от постулата о том, что существует некоторая внешняя по отношению к человеческому познанию истина. Признание множественности истины, ее субъективности способствовало развитию антропоморфного взгляда на сознание и мышление и, следовательно, усилению внимания ученых к различным параметрам человеческой личности. Одним из таких параметров был признан пол, представляющий собой не только биологическую субстанцию, но и культурно обусловленный мыслительный конструкт. Это означает, что гендерная самоидентификация входит в число когнитивных ресурсов как отдельной личности, так и общества. В соответствии с этим гендер может быть рассмотрен как измерение, как параметр исследования во многих общественных науках, в том числе и в лингвистике» [48].

На взгляд В. Поллака, «гендер – это не то, что мы видим и делаем, а то, что мы есть. Гендерный опыт – это бессознательный клубок, состоящий из ранних воспоминаний, изменчивых аффектов, надежд, страхов, опасений, который никогда не может и не должен быть редуцирован до ограниченного набора осознанных функций, типов поведения или ролей». [21]

А.В.Кирилина отмечает ряд дискуссионных моментов, связанных с употреблением понятия гендер:

1. Большая часть работ, раскрывающих проблемы полоролевой дифференциации общества и связанным с ней процессам, написана до возникновения термина гендер, и не использует это понятие даже в тех

случаях когда речь идет о социально-культурных аспектах половой принадлежности индивида.

2. Термин гендер появился в англоязычном пространстве и является омонимом грамматической категории рода, что в некоторых случаях ведет к неясностям в лингвистическом описании на английском языке.

3. Некоторые исследователи не используют термин гендер, хотя рассуждают о социально-культурном взаимодействии полов. Другие используют и старые термины *sex bias*, *sex role*, *sex difference* параллельно с понятием гендер. Существует и склонность заменить слово пол понятием гендер, что можно наблюдать в работах, время написания которых совпало со временем появления термина.

4. При выборе терминологии имеет значение также концептуальная позиция автора. Так, представители биодетерминистского направления, настаивающие на физиологической и психической обусловленности различий в языковой способности мужчин и женщин, применяют традиционное обозначение пола, хотя и в их работах встречается понятие гендер. [49]

1.2. Гендер в лингвистический исследованиях: этапы развития, направления и проблемы

Гендер не представляет собой лингвистическое понятие, однако его содержание может быть раскрыто и путем анализа языковых особенностей. Как отмечает А.В. Кирилина, категория «гендер» появилась в понятийном аппарате истории, историографии, социологии и психологии в конце 60-х – начале 70-х годов XX века, а позднее и в лингвистике, что связано расширением сферы интересов науки о языке. Именно в это время, как отмечает Е.С. Гриценко, язык стал рассматриваться как орудие мышления, средство и деятельность общения, инструмент получения знаний о человеке, культуре и обществе.[29] На Западе системное исследование связи языка с гендером началось в 1970х годах. Ученые акцентировали свое внимание на двух вопросах: гендерные особенности речи и представление мужского и женского в языковой системе. Сегодня не существует единого мнения по поводу природы гендера. «Его относят, с одной стороны, к мыслительным конструктам, или моделям, разработанным с целью более четкого научного описания проблем пола и разграничения его биологических и социокультурных функций. С другой стороны, гендер рассматривается как конструкт социальный, создаваемый обществом, в том числе и посредством языка» [49].

Исследования, посвященные связи языка и пола его носителя в целом можно разделить на несколько этапов:

- 1) Биологический детерминизм (исследования, основанные на наблюдении отдельных фактов и не связанные с другими науками). Осмысление такой категории как грамматический род впервые обозначилось еще в античности. Долгое время господствовала символично-семантическая гипотеза, утверждающая, что грамматический род возник на основе различения людей по половому признаку. Основанием для данной гипотезы послужили анимизм (вера в одушевление всей

природы, а также существование души и духов) и антропоморфизм (представление о наличии человеческих свойств в у предметов и явлений неживой природы). Ученые, представлявшие гипотезу (И. Гердер, Я. Гримм, В. Гумбольдт и др.), для ее подтверждения использовали свой внеязыковой опыт. Однако открытие языков без категории рода поставило под сомнение ряд положений этой теории. Впрочем, несмотря на критику и постепенный выход на первый план морфологического и синтаксического истолкования категории рода, сохранялось принятие того, что род как категория может оказывать влияние на рецепцию людьми слов. «Так, персонификация приписывает объектам, обозначаемым словами женского рода, свойства лиц женского пола, а объектам среднего и мужского рода - свойства лиц мужского пола. При этом обыденное сознание не задумывается о том, что обусловило род слова – семантика, синтаксис или морфология. Все это позволяет предположить, что грамматический род имени оказывает влияние на восприятие действительности и активизирует в сознании фреймы, связанные с концептом биологического пола, а также участвует в формировании положительных или отрицательных коннотаций». [48]

2) Переходный этап. Ученые: Э. Сепир, О. Есперсен, Ф. Маутнер. В начале XX века возрос интерес к гендерным исследованиям. В 1913 году была издана работа Ф. Маутнера, в которой он объясняет гендерные различия в языке социальными и историческими причинами. В 1922 году О. Есперсен достаточно полно для того времени описал особенности женской языковой компетенции и раскрыл вопрос о значимости гендера, опираясь на личные наблюдения.

Первый и второй периоды изучения гендерного фактора в языке характеризуются двумя особенностями: а) исследования носили «нерегулярный характер и находились на периферии лингвистики; б) в ходе описания особенностей мужской и женской языковой компетенции сформировалась концепция «дефицитности» «женского»

языка по отношению к «мужскому». Однако на втором этапе появились новые данные, а также тема заинтересовала крупных лингвистов, что способствовало большему распространению гендерных исследований и повышению их авторитета» [47]

3) Собственно гендерные исследования во второй половине XX века.

Именно в этот период сформировались несколько лингвистических направлений, различающихся по концептуальным установкам, методам исследования и характеру изучаемого материала

А.В. Кирилина предлагает собственную условную классификацию, для направлений которой характерна частично общая проблематика и объект изучения. Исследователь выделяет шесть направлений лингвистической гендерологии:

1. Социолингвистические гендерные исследования.
2. Феминистская лингвистика.
3. Собственно гендерные исследования, изучающие языковое поведение обоих полов.
4. Исследования маскулинности
5. Психолингвистические исследования.
6. Кросскультурные, лингвокультурологические исследования, включающие гипотезу гендерных субкультур [50]

А.А. Григорян, анализируя работы, посвященные связи языка и гендера, обозначает два направления: 1) различия и общие черты в языковой практике мужчин и женщин; 2) гендерная маркированность и андроцентричность языка [28]

Каждое из направлений в той или иной степени затрагивает следующие проблемы:

1. Язык и отражение в нем пола: номинативную систему, лексикон, синтаксис, категорию рода и ряд сходных объектов. Цель такого подхода состоит в описании и объяснении того, как манифестируется в языке

наличие людей разного пола, какие оценки приписываются мужчинам и женщинам и в каких семантических областях они наиболее распространены. Это могут быть как исследования одного языка, так и сопоставительные труды.

2. Речевое поведение мужчин и женщин, где выделяются типичные стратегии и тактики, гендерно специфический выбор единиц лексикона, способы достижения успеха в коммуникации (достижение статуса эксперта, гендерные предпочтения в выборе синтаксических конструкций и т.д. - то есть специфика мужского и женского говорения. В этой области, в свою очередь, можно выделить несколько концептуальных подходов, прежде всего теорию социокультурного детерминизма и теорию биодетерминизма. [51]

Следует отметить, что названные направления не сменяли друг друга, а вырастали одно из другого, и в настоящее время продолжают сосуществовать, в ряде случаев конкурируя друг с другом.

1.3. Способы отражения гендера в языке художественного текста

Как отмечает М.В. Богачева, сегодня гендер в лингвистике может изучаться в двух направлениях: проявление гендерных особенностей в системе языка (способы номинации, категория рода и т.д.) и реализация гендера в речевом поведении (предпочтение использования тех или иных языковых средств мужчинами и женщинами) [6]

В языковой системе русского языка, как считает И.Н. Кавинкина, опираясь на исследования М.А. Кронгауза, семантическая категория пола коррелирует с грамматической категорией рода у существительных, которые обозначают живых существ. [42]. Е.И. Гапова утверждает, что группа существительных, объединенная общей темой наименования лица по профессии или роду деятельности, предполагает в качестве денотата именно мужчину, а трансформация этих наименований для обозначения лица женского пола придает слову отрицательную коннотацию. [12] Тем не менее, по замечанию И.Н. Кавинкиной, принципиальных особенностей, продиктованных гендерной оппозицией, в системе русского языка лингвистами не найдено [42]

По мнению, О.А. Варданын, гендер в поэтическом мире может проявлять себя в нескольких формах:

- 1) Эксплицитно, вне зависимости от намерений автора, если грамматико-синтаксический строй языка содержит в себе гендерные явления;
- 2) Через тематику и гендерные номинации, если в языке нет категории гендера;
- 3) Через фоно-семантические характеристики. [9]

Языковые единицы в самом общем виде можно разделить на два типа:

1) Единицы с формальным маркированием (лексемы (слова, наименования), называющие лицо мужского или женского пола), т.е. гендерно маркированным будет являться план выражения;

2) Единицы с семантическим маркированием (значение слова указывает на лицо определенного пола), т.е. гендерно маркированным здесь является план содержания. [55].

В основе языкового конструирования гендера, по замечанию Е.С. Гриценко, лежит мысль о том, что «высказывания – это не просто слова или речевые акты, а кирпичики, из которых складываются социальные отношения, образы себя и других, различные аспекты личности, воссоздаваемые и проживаемые в каждом коммуникативном взаимодействии». [29] О.Ю. Черных выделяет несколько способов конструирования гендера:

1. эксплицитно через имена существительные, в значении которых имеется сема (минимальная часть лексического значения слова) «пол»;

2. через употребление определенных глаголов с агентивными (называющими одушевленное лицо) существительными мужского или женского рода

3. через употребление имен прилагательных с именами существительными, обозначающими лиц мужского или женского пола

4. через воспроизводство в тесте гендерных стереотипов [97] (культурно и социально обусловленные мнения и пресуппозиции о качествах, атрибутах и нормах поведения представителей обоих полов и их отражение в языке [49])

В.М. Войченко отмечает, что гендерные стереотипы в языке могут выражаться по средствам устойчивых сочетаний и общих представлений о мужчинах и женщинах. [17] И.Г. Серова обращает внимание на то, что исходя из работ лингвистов и психологов можно выделить составляющие характеристик «мужественность» и «женственность». Мужественность: агрессивность, брутальность, мощь, жесткость, крепость, грубость,

сила, энергичность, выносливость, демонстрация волевого компонента, уверенность, независимость, сексуальная мощь, решительность, надменность, настойчивость. Женственность: мягкость, тактичность, эмоциональность, религиозность, зависимость от других, преданность, безынициативность, неуверенность в себе, ориентация на компромисс, чувствительность, внимание к другим, понимание, предупредительность, внимание к деталям, изменчивость. Однако маскулинность и феминность не могут проявлять себя в чистом виде, так как в реальности наблюдается их смешение или равновесие (андрогинность). Так С. Бем в своих исследованиях опирается на гипотезу о том, что существует три типа людей с гендерной идентичностью разного рода: с доминированием феминных параметров, с доминированием маскулинных параметров и андрогинных, т.е. тех, у кого равное количество маскулинных и феминных характеристик. [86]

Наука признает также и наличие некоторых особенностей языка, присущих преимущественно мужчинам или женщинам, хотя использование языковых единиц нельзя объяснять лишь половой принадлежностью говорящего или пишущего, так как существуют факторы, тоже оказывающие на этот выбор значительное влияние: социальная принадлежность, культурный уровень, профессиональный статус, коммуникативная ситуация и т.д. Существующие же различия между мужской и женской письменной речью можно наблюдать на различных уровнях языка.

На основании исследований Е.А. Земской, И.Н. Кавинкиной и А.В. Кирилиной можно выделить ряд признаков мужской и женской речи.

На лексическом уровне для женской речи свойственно:

- 1) Использование диминутивов – слов или его форм с субъективно-оценочным значением малого объема или размера;
- 2) Использование приблизительных обозначений;
- 3) Использование эмоционально-оценочных слов;

- 4) Использование слов, описывающих чувства и эмоции;
- 5) Использование слов высокого стиля;
- 6) Эвфемизмы (слова нейтральные по смыслу и эмоциональной нагрузке) и коннотативно нейтральные слова;
- 7) Использование инвективов (оскорбительные выражения), касающихся биофизиологических характеристик.

На уровне морфемики для женщин характерно использование диминутивов с суффиксами -очк-, -ечк-, -к-, -ек-, -ик-, -чик-, -еньк-, -оват- и приставками по-, при-, под-.

На морфологическом уровне:

- 1) Частое употребление местоимений, глаголов, частиц;
- 2) Употребление компаративной (сравнительной) формы прилагательных и наречий;
- 3) Употребление конструкции «наречие + наречие»;
- 4) Употребление глаголов в сослагательном (условном) наклонении;
- 5) Употребление междометий;

На синтаксическом уровне:

- 1) Использование эллиптических конструкций (предложений с нулевыми сказуемыми, причем сказуемое не является необходимой частью высказывания для передачи смысла данного сообщения; однако сказуемое участвует в формировании структуры подобных предложений, так как в них присутствуют второстепенные члены, относящиеся к составу сказуемого);
- 2) Преобладание сложносочиненных предложений;
- 3) Использование инверсии;
- 4) Частое употребление вопросительных и восклицательных предложений;
- 5) Использование риторических вопросов;

6) Использование синтаксических конструкций с двойным отрицанием;

7) Использование вводных слов со значением неуверенности, неопределенности;

8) Использование парцелляции;

9) Использование рядов однородных членов предложений;

10) Использование повторов.

Для мужской речи на лексическом уровне характерно:

1) Употребление терминов;

2) Использование газетно-публицистических клише;

3) Использование стилистически сниженных лексем.

На морфемном уровне мужской речи свойственно использование диминутивов (при общении с маленькими детьми) с суффиксами –к-, -ок-, -ик-, -очк-.

На уровне морфологии:

1) Использование абстрактных существительных;

2) Использование глаголов в действительном залоге;

3) Использование глаголов в повелительном наклонении.

На уровне синтаксиса:

1) Употребление вводных слов со значением констатации;

2) Предпочтительное использование подчинительной связи.

Применительно к художественной литературе О.В. Пермякова вводит понятие гендерного стиля. Под гендерным стилем понимается такой «вид речевой организации художественного текста, который обусловлен гендерной характеристикой автора, дифференциацией речи мужчин и женщин, а также вариативностью их речевого поведения, проявляющейся на различных уровнях языка» [74]. При этом выделяется базовый (связанный с принадлежностью к биологическому полу и проявляющий себя через набор специфических речевых признаков) и имитируемый (созданный путем подражания) гендерный стиль. Исследователь выделяет

несколько признаков, которые обеспечивают реализацию первичного гендерного стиля, указывающего на женское письмо автора, на уровне содержания. К таким признакам относится то, что в качестве субъекта речи выступает женщина; в фокусе находится судьба женщины, в содержании наиболее существенными являются семейные отношения, в тексте важны рассуждения женщины о собственной идентичности в результате отношений с мужчинами, а также представление женского опыта в терминах телесного, биологического и физиологического. О.В. Пермякова наряду с определением содержания понятия гендерный стиль обосновывает явление гендерной стилизации. Под гендерной стилизацией понимается воспроизведение в художественно-изобразительных целях стереотипных особенностей речи противоположного пола [74].

Н.А. Давыдкина отмечает, что на уровне лексики различия между мужской и женской речью постепенно становятся все менее заметными, что связано с изменением социального статуса женщин. При этом женская речь приближена к разговорному стилю с нередким нарушением литературных норм. [31]. Основной целью порождения речи у мужчин, как правило, признается желание передать информацию. Женская же речь имеет эмоциональную направленность (важно передать не сами факты, а своё отношение к ним).

Вывод по главе 1

Гендер – это комплексное понятие, включающее в себя систему социокультурных характеристик, определяющих категории мужественности и женственности. Важно отметить, что каждое общество имеет свою специфическую гендерную систему, но каждая система является асимметричной, т.е. отражает различные культурные оценки и предположения, обращенные к людям в зависимости от их половой принадлежности. Гендерных отношения представляют собой одну из ключевых составляющих социальной организации общества, при этом они закрепляются в языке в виде определенных стереотипов, которых оказывают влияние на речевое поведение человека и его языковую социализацию. Сегодня в лингвистической науке гендер изучают, как правило, в двух направлениях: выражение гендерных особенностей в системе языка и способы их реализация в речи. Выстраивание гендерных отношений в текстах может реализовываться через вербальные и невербальные средства. Различия между мужской и женской речью проявляют себя на различных уровнях языка: лексическом, морфемном, морфологическом и синтаксическом.

2. Языковое выражение гендерных особенностей в текстах сетевой поэзии

2.1. Языковые средства выражения гендерных особенностей в стихотворениях Ю. Соломоновой

Опираясь на теорию О.В. Пермяковой, мы провели анализ стихотворных произведений сетевой поэтессы Ю. Соломоновой (Солы Мононой) на предмет выявления в них на содержательном уровне примет первичного гендерного стиля. В ходе исследования было проанализировано 174 стихотворения Ю. Соломоновой разных годов написания и обнаружены ряд черты гендерного стиля автора,

По субъекту речи все стихотворения можно разделить на две группы:

Первую группы составляют тексты, в которых субъект – женщина, и на данный факт указывают вербальные средства создания гендерной идентичности – грамматические средства отражения категории рода: личные местоимения, глагольные формы, формы имен прилагательных, лексемы, в значение, которых входит сема «женский пол»:

Я прекрасна, я просто богиня,
Я могу соблазнить короля,
Хоть разденьте меня до бикини,
Хоть оденьте меня в соболя

Подобных стихотворений было насчитано 108, что составляет приблизительно 62%. Данный факт свидетельствует об ориентированности на женский гендерный стиль.

Ко второй группе можно отнести стихотворения, представляющие собой рассказанную историю, где половая принадлежность субъекта не имеет значения, так как речь идет о рассказчике, который не участвует в событиях и позиция которого выражена не прямо, а через стилевую организацию.

Люба-Любушка в порезах и язвах
(Поработай между адом и раем).

Сколько раз ее рубили на мясо -
Кровоточила, да не умирала.

Частью этой же группы являются философские стихотворения-рассуждения, лирический герой и автор которых не проявляют себя открыто. Нередко стихотворения последнего вида имеют форму монолога, обращенного к кому-либо.

Ты думаешь, счастье придет, и всё!
Как старость – до самой смерти.
Как-будто таинственный режиссер
Бюджет получил на смету
И только тебя одного он ждёт,
И съемки в четверг в Париже

Несмотря на отсутствие явно выраженной половой принадлежности субъекта, темы и проблемы, затронутые в текстах второй группы, аналогичны стихотворениям из первой.

В центре внимания, как правило, оказываются проблемы женственности, красоты (с различных ее сторон), одиночества, отношений между мужчиной и женщиной, молодости, роли социальных сетей, счастья и внутренних конфликтов. Раскрытие подобных тем в том или ином ракурсе соответствует стереотипным представлениям об интересах женщин. При этом в большинстве случаев тема раскрывается на основе ситуации из жизни женщины.

Нередко важными в текстах оказываются именно семейные отношения и связанные с ними сложности, такие как измена, непонимание, разные жизненные цели, отсутствие права голоса у жены и др.:

Участь качественных жён
Биться с качественным браком.
или

А ты, мать, смотри - уведут его, уведут,
 Не отпускай гулять - пусть вертится на виду,
 А то еще встретит какую-нибудь звезду,
 Какую-нибудь начинающую актрису <....>

или

А мужик ее ценит в женщинах бешбармаки,
 А мужик ее любит манты, а понтов не терпит!

[Хорошее дело не назовут браком]

Помимо супружеских взаимоотношений в стихотворениях уделяется внимания связи матери и детей, тети и племянницы, бабушки и внуки, в основном это именно представительницы одной семьи, так как разговор отца и сына встречается лишь единожды.

Стихотворения, обращенные к теме взаимоотношений между мужчиной и женщиной, содержат мысли лирической героини о собственной роли, о недооцененности и несправедливости, о невозможности что-либо изменить.

Ты читал меня раньше, ты был моим иммунитетом.

А теперь не читаешь. И кашель. И всё не пройдет.

Осмысление жизненного опыта женщины во многих текстах происходит через описание физиологических особенностей. В стихотворениях, основной темой которых является красота, лирическая героиня обычно не вполне довольна своим телом

А между ними я, гусыня,

Как будто кто-то посмеялся.

Ни талии, ни колбасы нет,

Ни рыба, черт возьми, ни мясо!

Красота для героини не обязательно должна быть естественной и природной, можно наблюдать ряд текстов, где упоминается о том, что внешняя женская привлекательность - результат работы хирургов («Почти по Сартру», «Молодость», «Главный хит моего Инстаграма», «Инста

сарказм», «Все эти люди», «Гиалуронка» и др.), здесь же отмечается массовость «сделанной красоты»:

Ибо девка с приличной внешностью –
Кот в мешке, а не просто киска. <....>

Тесно связаны с данной группой стихотворения с темой ухода молодости, которая раскрывается на примере женских историй, следует отметить, что у Ю. Соломоновой нет ни одного текста, в котором мужчина бы переживал по поводу своей внешности или возраста. Лирические героини с болью отмечают то, что данный период непродолжителен по времени и что они готовы использовать все возможные способы, чтобы продлить его, однако эти попытки не заканчиваются успехом.

Может, удержишься, даже временно,
Даже на пару лет?
Молодость, милая, современная?
Слышишь?
Ответа нет.

Встречается в текстах также тема правильного и неправильного питания, а также постоянного желания утолить голод. Данная тема раскрывается как типично женская, что связано с популярностью диет у представительниц женского пола: героини одиннадцати текстов так или иначе связаны с диетой, а еще шести упоминают о голоде. Показательным в данном контексте является ироничное стихотворение, адресованное холодильнику: предмет бытовой техники здесь сравнивается с любовником, что подчеркивает его значимость в жизни героини, а строчка «лопнул образ анорексички» выделяет актуальную для девушек и женщин проблему моды на излишнюю худобу. Автор переосмысливает значение слова «жрица», в данном случае оно образовано от стилистически сниженного глагола «жрать», хотя остается связь и с первичным смыслом: для героини процесс обмакивания сосиски в сметану или сгущенку не просто процесс утоление голода, а целый

ритуал служительницы культа еды. В стихотворении «Спокойной ночи, малыши» еда обозначена как средство решения проблем, единственный возможный правильный выход:

Не мучайся, детка! Иди и покушай.

Запомни рецепт этой правильной сказки:

Расплющило - плюшек, колбасит – колбаски!

Ряд стихотворений (а именно 67) представляет собой монолог перед собеседником, находящимся вне текста, о чем свидетельствуют обращения, вопросительные и побудительные предложения. Эти монологи - своеобразные исповеди, напутственные речи, советы, размышления, дневниковые записи, фрагменты внутреннего диалога и т.п. Часть текстов содержит в себе диалог, но важно, что только в двух из них мужчина выступает в качестве участника. Автор практически не предоставляет мужчине права голоса: его чувства, эмоции и действия всегда изображены сквозь призму восприятия их женщиной.

Исходя из тематики и проблематики стихотворений, их направленности, структуры и субъектной организации, можно утверждать, что первичный гендерный стиль текстов указывает на феминность письма автора и отсутствие гендерной стилизации. Данный факт свидетельствует об ориентированности автора на раскрытие собственной гендерной идентичности, а текстов – на преимущественно женскую аудиторию.

Нами был проведен анализ языковых средств разных уровней 174 стихотворений Ю.Соломоновой с целью – выявить характерные гендерные особенности письменной речи в художественном тексте.

На уровне лексики обращает на себя внимание активное использование автором диминутивов (производных слова с суффиксами, придающими значение уменьшительности, ласкательности, уменьшительно-ласкательности). Всего было насчитано 186 подобных лексем, что свидетельствует о высокой степени эмоциональной окрашенности текстов. При этом функции номинаций с уменьшительно-

ласкательными суффиксами различны. С меньшей степенью частотности встречаются диминутивы с размерным значением: полоска («Сто рублей»), кусочки («Смайлик») солдатики («Сначала»), куличики («Маленький ангел»), зверек («Подари»), и размерно-оценочным: животик («Валерьяновка»), ветерок («учись»), птичка («Отступные»). Для образования диминутивов используются суффиксы: -к-, -ик-, -ек-, ок-, -ушк-, -еньк-, -очк-, -онк-, -иц-. В большинстве случаев диминутивы используются для передачи той или иной оценки.

Диминутивы имен собственных могут как придавать ласкательность или способствовать выражению сочувствия, например, Люба-Любушка, Вера-Верочка, Надя-Наденька («Надя умирает последней»), Маруся («Отступные»), так и подчеркивать пренебрежение или неодобрительное отношение: Натка («Чижик-Пыжик»), Катька, Светка («растет»). Встречаются случаи употребления диминутивов с целью передать значимость и необходимость данных вещей для лирической героини: сметанка, варенье, кашка («Спокойной ночи, малыши»), «рюкзачок», пиджачок («ситечко») или с целью выразить осуждающее, презрительное отношение к предмету или лицу: бабенка («Сто рублей»), «ноготочек» («нотки»), собачонка («портреты»). Часто диминутивы выступают в роли языкового средства создания иронии или сарказма: Ни в полосочку, ни в горошек («Безопасно») кофеек («Статистика»), борщик, пижамка, хлебушек («Джакомо»), шмоточки, фоточки («инста сарказм»).

В целом следует отметить разнообразие используемых лексем с уменьшительными, ласкательными и уменьшительно-ласкательными суффиксами и их функций: выражение рациональной оценки и выражение эмоционального отношения.

Еще одной языковой особенностью на уровне лексики можно считать частое употребление приблизительных обозначений, а именно неопределенных местоимений и местоименных наречий, которые лишь указывают на признак или предмет. Как правило, словообразовательным

формантом выступает постфикс –то. При этом автор использует такие лексемы, для того чтобы подчеркнуть значение произошедшего действия, а не его субъекта, объекта, признака и т.д.

Широко используются в текстах слова, обозначающие чувства, эмоциональные состояния, причем помимо глаголов душевного состояния и деятельности органов чувств, присутствует большое количество слов категории состояния и наречий, зависимых от глаголов. Лирическая героиня в большинстве текстов испытывает отрицательные эмоции: душевную боль («когда от бессонницы тяжело и больно», «кольнуло в сердце острие», «совсем не смешно мне», волнение («я же переживаю»), отчаяние или тоску («И так бывает гадко, противно каждый раз»).

Для передачи переживаний и раскрытия душевного состояния лирической героини автор обращается к словам с ярко выраженной эмоционально-оценочной окрашенностью (приблизительно количество подобных лексем – 147). Следует также отметить, что в данных стихотворениях эти слова крайне редко несут в себе положительные коннотации, при этом используются различные средства придания слову или словосочетанию экспрессивности и оценочности. Поэтесса прибегает к следующим конструкциям и лексемам:

1) «Наречие меры и степени + прилагательное», хотя нередко прилагательное уже содержит в своем значении сему, передающую оценку или эмоцию: крайне мерзкий («кора дубовая»), чудовищно-молодая (возрождение)

2) «Неопределенное местоимение + существительное/прилагательное» : какие-то гадкие слухи (неуловимые мстители), какая-то фигня («растет»), какая-нибудь звезда, какая-нибудь начинающая актриса («творожок»)

3) Лексемы или их сочетание, в самом значении которых уже заложена оценка и эмоциональная характеристика: подлец, ангел

(«Отступные»), занюханые недотепы («Растет»), жалкие пижоны («Я готовлю лучше, чем целуюсь»), изумительный вид («маленький ангел»)

4) Лексемы, употребленные в переносном значении, в котором заключена субъективная оценка: настоящий Дон Кихот (святой Грааль), какая-то принцесса стиля («Сто рублей»)

5) Слова с суффиксами субъективной оценки, употребленные в прямом или противоположном значении: Хорошенький алгоритм (****), больной стишок («минус три»)

6) Лексемы, образованные путем повторения основ: Ой, Хочу-хочу-хочу! («ситечко»), пашешь-пашешь («Обзорная экскурсия по Венеции»), едва-едва (минус три).

Повышенное внимание, уделяемое чувствам и восприятию происходящих событий, является особенностью женского сознания. В восприятии женщин те или иные ситуации становятся более эмоционально наполненными, при этом негативные события отказывают на них большее влияние, в связи с чем отрицательные эмоции могут проявлять себя чаще. [15]. Кроме того, эмоциональная сдержанность традиционно считается частью комплекса признаков маскулинности, поэтому мужчины, в отличие от женщин, не стремятся выражать свои переживания, что сказывается на выборе лексических средств.

Помимо уже указанных средств передачи эмоционального состояния и усиления экспрессивности, в текстах Ю. Соломоновой с этой целью в рамках одного предложения употребляются антонимы, причем как языковые, так и контекстные: Как поменять бытовуху на сказочный шик («зато есть»), возраст не дьявола, а Христа (***), он, конечно, возвышенный – я простая («Береги его, Господи»).

Характеризуя женскую письменную речь, исследователи (в том числе и Кирилина) отмечают приоритет слов высокого стиля. Ю. Соломонова в своих текстах отдает предпочтение стилистически нейтральной и сниженной лексике, последняя может быть как

разговорной, так и грубо просторечной. В стихотворениях практически не встречаются эвфемизмы, зато присутствует ненормативная лексика. Следует отметить, что в текстах не наблюдается зависимости между тематикой и стилистической окрашенностью речи: нецензурные выражения могут употребляться для передачи эмоционального состояния в текстах как о высоких чувствах лирической героини и ее личной трагедии (Молодость уходит, а в России кризис...», «Принимать по назначению врача», «Просят голуби в парке о хлебushке...» и др.), так и о неприятных комментариях в социальных сетях («Почему же мне безразлично).

Нехарактерная для женской речи ненормативная лексика в текстах Ю. Соломоновой может употребляться для повышения уровня эмоциональности речи, демонстрации раскованности и пренебрежительного отношения к системе запретов определенного рода слов, снятия барьера между языком автором и читателя, передачи состояния лирической героини и выражения авторской позиции.

Таким образом, на лексическом уровне гендерные особенности проявляют себя через диминутивы, слова с неопределенным значением, эмоционально-оценочные слова и слова, выражающие чувства и эмоции, а также через стилистическую окрашенность речи.

Что касается исследования морфологического уровня, то можно выделить такую черту как использование компаративов (46 форм). Автор отдает предпочтение синтетической форме сравнительной степени сравнения, которая употребляется в текстах в основном для раскрытия качеств лирической героини, причем как внешних, так и внутренних: я безумнее Наполеона («Богиня»), я готовлю лучше, чем целуюсь («Я готовлю лучше, чем целуюсь»), я – должника, ты за кредитора, с каждым днем долги все тяжелее (« Недоступных»). Присутствуют в текстах и многочисленные сравнительные обороты: в их основе могут лежать предметы быта или продукты питания (например, туман липнет, как сгущенное молоко; а любовь и политика манят, как сладкий пончик),

исторические личности или писатели (например, кутить, как Омар Хайям, они круты, как Достоевский), явления природы (например, такая пройдет как агония, как гроза), животные (отольет, как собачонка; кушаешь, как маленькая птичка) и т.д. В некоторых стихотворениях сравнение является своеобразным смыслообразующим стержнем, например, «Чужая женщина всегда красивее своей», «Клопы», «Точит месяц и звездочки кипятит» и др. Такое внимание к установлению аналогий свидетельствует о рефлексии, выстраивании связей и критичном отношении к себе, что является феминной чертой.

Исследователи отмечают, что признаком женской речи является использование глаголов в форме сослагательного наклонения, а то время как мужской – в повелительном. В текстах Ю. Соломоновой нами была обнаружена обратная тенденция: только 34 глагола в сослагательном наклонении и 158 форм повелительного наклонения. Объяснить это можно как жанровой спецификой и общей направленностью, так и наличием черт маскулинности в гендерной идентичности автора. Однако экспрессивность императива может свидетельствовать и об эмоциональной насыщенности тестов, а также об их разговорности.

Частое употребление форм повелительного наклонения в содержательном плане оформляет претензию стихотворных текстов на близость со своего рода «сборником советов» на типично женские темы. Интересно, что алгоритм действий может быть адресован как женщинам, так и мужчинам:

Любовь, как три рубля, проста.

К чему мещанский гомон?

Не любишь девочку - оставь,

Оставь её другому

Встречаются тексты с явно ироничной оценкой ситуации:

Когда от бессонницы тяжело и больно,

Как будто ударили битой бейсбольной,

А спальня похожа на тесную клетку,
 И ты выпиваешь вторую таблетку,
 Но лезут противные мысли о вечном,
 И не сосчитать непокорных овечек,
 И даже беспомощны Хрюша с Каркушей -
 Не мучайся, детка! Иди и покушай
 а также социальной проблематикой:

Гендерная идентичности широко проявляет себя также на уровне синтаксиса. Восклицательных предложений было насчитано 208, причем 69 из них являются завершающими, что соответствует общей тенденции к гиперболизированной экспрессии. Для обозначения особо эмоционально окрашенных предложений автор прибегает к тройному восклицательному знаку, но если в текстах 2013 года подобных предложений встречается одиннадцать, то в стихотворениях 2017 – уже только одно. Нередко употребляются вопросительные предложения, придающие произведениям диалогичность.

Для создания характерной для женской речи диалогичности помимо вопросительных предложений автор использует обращения: детка («Спокойной ночи, малыши», «Грамм», «Все эти вещи», «Отступные»), мальчики, ребята, господа («Я готовлю лучше, чем целуюсь»), мадам («Сто рублей», «Мадам»), мама («Все эти люди»), милый («Вся жизнь», «Грубо», «Сердце», «Лабиринт», «Счастье»), мои принцессы («Ситечко»), мой мальчик («Горки») и другие. Многократное употребление обращений также можно трактовать как проявление признака феминности, так как женщины, по мнению, проявляют большую заинтересованность во взаимоотношениях с людьми и склонность к эмпатии.

Еще одним способом отражения эмоционального состояния лирической героини можно считать использование эллиптических и парцеллированных конструкций. Будучи приемом экспрессивного

синтаксиса, парцелляция создает имитацию разговора или внутреннего монолога, при этом подчеркивая отдельные детали.

Он пишет."Влюбился. Чудовищно. Хуже бреда.

Девка - богиня!!! Упала с небес манной.

Только немного беременна от соседа...

Так что пришлось переехать - живу с мамой.

Ты мне как баба скажи, каковы шансы?

Мама не в теме, а хочется поделиться.

Я – порядочный. Так ужасно!

Обращает на себя внимание количество повторов (117). Как отмечал В.М. Жирмунский, повтор в поэзии служит для создания впечатления эмоционального нагнетения, лирического сгущения переживаний. В стихотворениях Ю.Соломоновой наиболее часто встречаются такие виды повтора как анафора (при этом нет ни одной эпифоры), рефрен и параллелизм. Показательным примером роли фигур повтора в анализируемых текстах является стихотворение «Почти по Сартру». Рефрен «Я ненавижу женщин» определяет лейтмотив текста и служит для композиционной организации: каждая из четырех строф раскрывает разные причины и объекты ненависти. Анафора и синтаксический параллелизм появляются в тексте дважды: в первой и последней строфе. В первом случае они способствуют созданию эффекта чередующихся событий, а также служит средством построения цельного многостороннего образа.

Смотришь на пальцы – не замужем, любит стирать

Смотришь на губы - надменна, скупа на ласки.

Эти же фигуры завершают стихотворение:

Но всё, что я вижу в других - это точно я,

поскольку на каждую женщину есть персональный яд,

поскольку на каждую женщину есть персональный ад,

и это - другие.

В данном случае в сочетании с рифмой «яд –ад» анафора и синтаксический параллелизм создают кульминацию перед заключительной фразой.

В результате анализа текстов было обнаружено 146 рядов однородных членов, в каждом из которых три и более компонента (однородные ряды, состоящие из двух слов, не учитывались). Данный факт свидетельствует об ориентированности на создание емких образов, эмоциональную наполняемость, что связано с большей внимательностью женщин к деталям. Усилению экспрессивного характера рядов однородных членов способствует градация:

На одиночество жаловаться грешно:

Это не травма, не опухоль, не киста.

Или

Тронешь сердечко, а рядом мотает счетчик:

Тысячи, сотни, десятки и... единицы.

Характеризуя синтаксические особенности текстов, необходимо заметить, что вводные слова употребляются автором крайне редко. В большинстве случаев этим словом выступает «конечно» («Отступные», «Гиалуронка», «Без задержек», «Творожок», «Тьма у тебя внутри», «Надя умирает последней», «Жалеет» и еще 11 случаев). При этом оно всегда выражает уверенность в истинности высказывания, констатацию факта с горькой иронией:

С каждым днём сказать всё тяжелее

Простенькое слово "Извини".

Ты его, конечно, пожалеешь,

Он тебе, конечно, изменил.

Использование вводных слов со значением уверенности – черта, которую исследователи относят к признакам мужской речи, что свидетельствует о проявлении маскулинных черт.

Но если вводные слова и предложения встречаются достаточно редко, то вставные конструкции напротив – 72 случая, причиной чему, может, послужить значимость для женщин деталей. Вставные конструкции в стихотворениях могут носить разный характер:

1) Попутное замечание с эмоциональной оценкой

Тётечка-критик затянется сигареткой,
(Тётечка-критик – голодная буквоедка
В образе.) Пахнет "Мадемуазель Коко".

Или

Знаешь ли, Петя,
Чичиков этот
(Мошенник отпетый)
Реально живой.

2) Причинное пояснение

Незнакомые люди со мной "на вы"
[Петербург отпечатался на лице]

3) Попутное замечание без эмоционального сообщения

Он сказал "я люблю тебя" на перроне,
Щелкнув белыми крыльями за спиной.
[Раздарил свои вечности посторонним,
Но оставил минуту - побыть со мной.]

4) попутное замечание-обращение или совет

Слышатся голоса:
"Он на тебе не женится..."
[Пить по ночам бросай!]

или

Такая мелочь - адюльтер.

[Ты пьян?]

На основании проведенного языкового анализа можно сделать вывод, что в стихотворениях Ю.Соломоновой гендерные особенности

проявляют себя на лексическом и грамматическом уровне. Можно выделить ряд особенностей, характерных для женской речевой модели: диминутивы, слова с приблизительным значением, эмоционально-оценочные слова, слова, обозначающие чувства, антонимы, компоративы, эллиптические конструкции, вопросительные и восклицательные предложения, парцелляция, фигуры повтора, однородные члены предложения и вставные конструкции. Признаков мужской речи меньше: сниженная и нецензурная лексика, глаголы в повелительном наклонении и вводно-модальные слова, выражающие уверенность. Наличие мужских черт объясняется тем, что маскулинность и феминность являются абстрактными конструктами, а реальная гендерная идентичность не может включать в себя только признаки маскулинности или феминности – происходит смешение характеристик в той или иной пропорции.

При исследовании образа женщины в стихотворениях Ю. Соломоновой в его структуре были выявлены следующие сегменты:

- 1) Родственные отношения. Лексемы: мама, внученька, дочка
- 2) Внешность. Лексемы: попа, прекрасна; просто богиня; неземная красота, одета, как для плей-боя, какая-то принцесса стиля, бьюти-богини, правильный пресс, избыточный вес,
- 3) Характер. Лексемы: безумнее Наполеона, воображуля из воображуль, стервы.
- 4) Род деятельности. Лексемы: блогер, продажи, писака, актриса, поэт
- 5) Семейное положение. Лексемы: муж, невеста, качественный брак, любовница,
- 6) Возраст. Лексемы: стареть, не так стара, молодость,
- 7) Обращения. Лексемы: детка, мадам, девушки, красатули, мать,
- 8) Межличностные отношения, включая отношения с мужчинами. Лексемы: забочусь, прощу, притворялась добренькой,

скучала, плохо влияю на людей, никто не пишет, не любишь, смеялся надо мной, напросилась,

Образ женщины реализуется в сетевой поэзии Ю. Соломоновой с помощью сравнения. Средства создания сравнения:

1) Сложноподчиненное предложение с сравнительным придаточным

Я прощу Вас, как мама простит дитя
За разбитую вазу – подарок ценный...

2) Сравнительный оборот

Чем дальше, тем острее осознаю,
Что бессердечна... как и ты, мой мальчик.

3) Сочетание сравнительной формы прилагательного с существительным

Чужая женщина всегда
Красивее твоей.

4) Сочетание глагола с существительным в творительной падеже

Я лечу в отношения птицей,
Я хвастаюсь за каждую нить!

5) Приложение

Пасутся женщины-бизоны,
Свои котлеты восхваляя.

Одной из важных составляющих женских образов являются глаголы с семантикой физического и душевного состояния: реветь, понравиться, любить, простить, ненавидеть, понять и др., а также слова категории состояния: печально, жалко, радостно, тяжело, больно. Внимание к лексемам данной группы объясняется желанием автора отразить внутреннюю сущность женщины, раскрыть многообразие эмоциональных состояний, которые отличают ее от мужчин.

Для создания внешнего облика женщины применяются качественные прилагательные: хороша, молода, стройна, неотразима, эстетична; и

конкретные существительные, выступающие в роли деталей для формирования полного образа. Как правило, конкретные существительные обозначают предметы быта, названия блюд или продуктов питания или элементы гардероба, который, как и еда, представлен особо важной составляющей жизни женщины.

Строятся дворцы, соборы, замки

Прямо на воде,

А венецианской куртизанке

Нечего надеть.

Вышиты недорого-неярко

Юбка и корсет.

В чём идти в собор святого Марка,

Чтоб не хуже всех?

А также

Год за два - без хлеба и картошки,

Отсиди, попробуй, десять лет.

И осталось ну совсем немножко,

И на свадьбе будет крем-брюле.

[Обморок бы не случился с нею]

Еще одним средством выражения является номинация с эмоционально-оценочными оттенками: просто богиня, ненаглядная богиня, воображуля из воображуль, какая-то принцесса стиля, девка, кот в мешке, а не просто киска, какая-нибудь звезда, какая-нибудь актриса, мошенница, хойзяка судьбы, фурия переписки, находка для мужчин и т.д. Так как многие стихотворения содержат в себе дружеские указания и советы для женщин, то активно используются обращения: девушки, красотули, мои принцессы, детка, мать, деточка.

В образе мужчины можно выделить следующие сегменты:

1) Внешность: юный демон, чьи кудри, как проволока, вились; неухоженный, поэкзотичней;

2) Внутренние качества: «тьма у тебя внутри», тупой, глух и слеп, нехороший, тихие, замечательный, только пьющий, суперпрезетабельный, только жадный, ласковый и трепетный, правильный и сдержанный, смешной, ни груб, ни хамоват, высокая культура, чувственный;

3) Отношения с женщиной: не любил, влюбляются, присылать подарки, простил, козлить, выеживаться;

4) Оценка лирической героиней: бедолага, принц, мелкий неудачник;

5) Семейное положение: жених, женатый, развелся, немного-женатый,

6) Обращения: мальчики, ребята, господа, жалкие пижоны, милый, зая, мой мальчик, малыш, любимый, сударь;

7) Деятельность: нефтяник, художник, министр, что-то строит.

Важным средством реализации образа мужчины является прием сравнения:

Ты, может быть, и стрекоза,

Но только мимо пролетевшая (Стрекоза)

Ты читал меня раньше, ты был моим иммунитетом (Кашель)

Особо часто используется сравнение с известными личностями и персонажами:

Не тянул бедолага на олигарха

и принца Гарри (Все эти вещи)

Далеко не Аполлон (малость напряженный)

Он чувствует себя Джедаем (Пляж)

Как целиком отдаться,

Чтобы не утопиться,

Гамлет, мой принц Датский? (Офелия)

Джакомо, Джакомо,

Как Вам моя пижамка? (Джакомо)

Данный образ также создается при помощи эмоционально-оценочных номинаций, которые могут иметь как положительные, так и отрицательные коннотации (принц, царь, мошенник отпетый), и обращений, которые используются не единожды: милый, мой мальчик, малыш, любимый, сударь. При характеристике образа мужчины используются группа слов, обозначающая бытовые предметы: компас, будильник, страховка, лобзик, фреза, табель.

С целью противопоставить качества и одновременно их подчеркнуть употребляется анафора:

А мужик ее ценит в женщинах бешбармаки,

А мужик ее манты, а понтов не терпит! (Пальто).

Для раскрытия неоднозначности мужских образов применяется сочетание анафоры и синтаксического параллелизма, на основе которого может быть выстроено все стихотворение или его часть:

Этот сопротивляется,

Этот включил "козла".

Этот задвинул а'лкоголь

(Страсть победила спирт).

Этот развелся с первой,

Женится на второй.

Этот напутал с верою:

Крайнюю плоть - долой.

Этот воняет Мурзиком

(Имя её кота.)

(Все мужики влюбляются)

Для отражения отличий между мужчиной и женщиной автор активно использует антитезу:

Я – подлец, ты – ангел во плоти (Оступные)

Жалко, что ты не родился теплым,

а я – холодной.

Жалко, что ты не родился летом,

А я – весной (Флейтистка)

Он, конечно, возвышенный, я простая (Береги его, Господи)

Я – должница, ты за кредитора. (Недоступных)

Такая страшенькая девочка

С таким красивым мужиком! (Была жара невыносимая)

В стихотворения Ю.Соломоновой присутствует большое количество языковых единиц, вербализующих образы мужчины и женщины, а также их взаимосвязь, что свидетельствует об их значимости в индивидуально-авторской картине мира поэтессы. Также можно отметить частично стереотипное представление о женщине, а чем свидетельствуют клишированные сочетания, репрезентирующие образ женщины.

2.2. Языковые средства выражения гендерных особенностей в стихотворениях К. Мельниковой.

В ходе исследования было проанализировано 100 стихотворений К.Мельниковой, в зависимости от субъекта речи все тексты можно разделить на три группы: написанные от лица мужчины (10 единиц), написанные от лица женщины (23 единицы) и стихотворения, в которых на пол говорящего нет формальных указаний (67 единиц). В текстах первой и второй группы гендерную принадлежность лирического героя/героини демонстрируют местоимения («сама не могу понять»,) краткие и полные прилагательные, порядковые числительные («Зачем я еще жива», «Становлюсь совсем тихой, послушной и робкой», «Я уже рад», «Я не умею первой», «Я был никому не нужен»), глаголы в форме изъявительного наклонения прошедшего времени, а также в форме условного наклонения («Я за двадцать с лишним лет смирилась», «Я бы пришла и на ощупь», «А я стоял и молча глядел», «Вот так бы и жил»). При этом все стихотворения, вне зависимости от субъекта речи, обладают общностью языковых признаков, что свидетельствует об отсутствии в художественных текстах К. Мельниковой явления гендерной стилизации – воссоздание в художественных целях стереотипных свойств речи противоположного пола.

На лексическом уровне обращает на себя внимание частое использование слов, раскрывающих чувства и эмоции: такие глаголы как любить, выстрадать, привыкнуть, верить, плакать; наречия: с любовью, с восторгом, сердито, преспокойно, с опаской; прилагательные: счастливый, несчастливый, обидчивый, рад; слова категории состояния: жалко, больно, смешно, обидно, страшно.

Образ женщины в стихотворениях К.Мельниковой складывается из нескольких составляющих, представленных рядом лексем. Внешность: златоволосая, курносая, прекрасная. Восприятие: смешная, лишняя, гость

случайный в этой жизни, я – только сон, милая девочка (грустная не по годам). Обращения: милая. Поведение, характер: не просить, ночевать одной, не ждать, перепутала, заблудилась, писать стихи, не писать писем, становиться тихой, послушной и робкой. Чувства и эмоции: не нужна, легко (легче), любить, верить в чудо, скучать. Сравнения: маленькой ласточкой, лететь; высохну, как трава, пугливой улиткой, живу. Образ мужчины состоит также из нескольких сегментов. Внешность: усталые глаза, невычищенные ботинки. Поведение, характер: вести себя хорошо, не плакать, ужасно обидчивый. Чувства, эмоции: рад, не нужен, любить, доволен, жалеть, скучать. Обращения: дружочек, мой ангел. Стоит обратить внимание на то, что внешним признаками мужчины и женщины уделяется меньше внимания, чем внутренним характеристикам, что свидетельствует о значимости раскрытия в текстах душевных переживаний героев. Частотное использование личного местоимения «мы» и взаимно-возвратного «друг друга» служит для отражения отношений между мужчиной и женщиной.

Все было. Ни о чем

Друг друга уже не просим,

Как будто и не шепта-

ли в трубку: «Люблю тебя!..» (Июнь начался с нелюбви)

Слишком мы стали взрослыми? (Отчаянное чаепитие в одиночестве...)

Неужто мы никогда не споем на два голоса? (На разных часовых поясах)

В текстах не наблюдается контрастного противопоставления героев: их нередко объединяют схожие чувства, проблемы и поступки.

Я забываю писать тебе письма,

А ты не спешишь с ответом (Я забываю писать тебе письма)

Лексемы, служащие средством создания образа мужчины и женщины, повторяются из текста в текст и не противоречат друг друга, что

свидетельствует о статичности изображаемых характеров, а так же о том, что в поэтическом мире К.Мельниковой конструируются единый образ одного мужчины и одной женщины. Средством создания психологического портрета выступает сравнение, которое в большинстве случаев представлено формой творительного падежа: скачут кузнечиками по траве; обнимай задумчивым дождем; свожу на тебе свой свет – журавлиным клином; пугливой улиткой живу; на каком корабле – камнем вниз, сбитой птицей лететь к тебе, желтым листком теплой осени – прямо в ладони; мягкой пастелью спустится лето на город.

На уровне морфологии можно отметить такие черты женской письменной речи, как использование компаративной формы прилагательных и наречий, смысловые усилительные частицы для придания эмоциональности речи, глаголы в сослагательном наклонении.

В стихотворениях употреблено 34 конструкции с компаративом, причем в большинстве случаев поэтесса прибегает к одиночному компаративу: «Буду слать голубей вместо писем, они надежней» (Говорю...), «Мама, прекрасней и зеленее глаз в этом мире нет» (Мама, как тяжело говорить...), «Плакать, конечно, тем меньшей, чем – выше...» (Нам бы дожить до счастливого как-нибудь...). Характерное употребление прилагательных и наречий в сравнительной степени демонстрирует интенсивность проявления признака и способствует созданию экспрессивности художественного текста.

Эмоциональную окрашенность придают усилительные частицы, наиболее характерной для поэзии К.Мельниковой является частица «ни», служащая как для усиления отрицания, так и для усиления утверждения.

Я обещаю в тебя не влюбляться

Ни при каком раскладе. (Я забываю писать тебе письма)

Вот это – синее небо – ни птиц, ни тучек (Мозаика).

Во втором случае сказуемое, выражающее отрицание, только подразумевается, а частицы подчеркивает отсутствие.

Глаголы в сослагательном наклонении (22 единицы) в стихотворениях могут выполнять несколько функций.

Были б корабликом – плыли по мутной реке,

Были бы солнцем – светили. (Мне не писать тебе писем...)

В таких конструкциях сослагательное наклонение имеет контрфактивное значение – ситуации, которых нет и не может быть в реальном мире, они рассматриваются говорящим как часть другого, альтернативного мира. В данном случае контрфактивное значение сослагательного наклонения реализуется через условные конструкции (сложноподчиненное предложение с придаточным условия).

Мне петь бы – все равно – о чем или зачем–

Или читать в ночи в два голоса стихи (Пишу тебе в июль...)

В данном случае сослагательное наклонение имеет значение желательности.

Глаголы в форме повелительного наклонения используются в стихотворениях чаще, чем в сослагательном, их можно насчитать 37 единиц. Повелительное наклонение в большинстве случаев обозначает пожелание или просьбу:

Улетай, пропадай – для тебя не придуман сценарий. (Впереди – зима)

Подари мне кота, чтобы спал под моим одеялом (Подари мне собаку)

Разгляди того, кто спрятался между строк (Разгляди того, кто спрятался между строк)

Широкое употребление форм повелительного наклонения, характерных для мужской речи, объясняется жанровыми особенностями стихотворений (многие тексты – это послания, адресованные мужчине или женщине, в зависимости от субъекта речи, на что указывают посвящения и названия некоторых стихотворений: «Письмо на листах из тетради в косую линейку», «Телеграммы на облаках», «Письма», «Вместо письма»).

На синтаксическом уровне можно выделить следующие признаки анализируемых стихотворений, присущие женской письменной речи.

Встречаются эллиптические конструкции нескольких моделей, в зависимости от семантики пропущенных глагольных сказуемых: напротив окна – светофор – через две дороги (Письмо на листах из тетради в косую линейку), до весны еще – целый февраль (Прочитать между строк), а пороге – декабрь, за окном – пара черных котов (Впереди – зима) – опущен глагол наличия, данная модель встречается чаще остальных; и – в небеса – птицей-фениксом (Тянется время) – опущен глагол движения; а в трубке – долгое «люблю» (Люблю? – Не знаю. Но – жалею...) – опущен глагол слухового восприятия; но я тебе – ни строки об этом (Как мне не видеть тебя ночами...) – опущен глагол речи. Использование эллиптических предложений позволяет придать речи раскованность и непринужденность, а также усилить экспрессивность.

Восклицательные и вопросительные предложения служат основным средством выражения эмоций на синтаксическом уровне:

А впрочем, какие сроки

Могут быть у любви и у птичьих песен? (Сороки)

Ночевать одной –

Не в последний раз!...(Луна полная, небо чистое...)

Часто вопросительные и восклицательные конструкции используются в текстах при имитации диалога, в том числе и внутреннего:

Шептал бы «Люблю. Прощай!» –

Кому? – И себе: «Простил...» (ПостПитерское)

Зачем-то писал Вам письма...

Зачем? – Раз утерян адрес! (Как пони – бегаешь по кругу...)

Вставные конструкции (31 единица) нередко содержат вопрос или восклицание. При этом вставные конструкции в стихотворениях содержат: попутное замечание с эмоциональной оценкой сообщения:

За оврагами, рощами - где же Вы?

Через озеро - к лесу! - Откликнитесь!

В это утро заря была - бежевой! -

(Жизнь - в новинку? Да, полно Вам, свыкнитесь!..)

(За какими-то дальними далями...);

Скоро та грань,

О которую

(Мысленно спорю

С жизнью. -

Бессмыслица! -

Та уже вяжет петлю...)

(Тянется время);

пояснение:

Просто с неба уплыл кораблик,

Что ночами светил

Заблудившимся морякам

(Да, его в народе обычно зовут луною). (Это осень, мой друг...);

уточнение:

В три месяца слишком многое

Умещается

(Будто сахар в пустых пакетиках). (Скоро Новый год...)

Частое использование вставных конструкций следствие склонности женщин к поиску необходимой фразы, самостоятельной коррекции своего высказывания.

Одним из средств придания речи выразительности, отражающим желание автора всесторонне раскрыть образы, а также подчеркнуть подробности, внимание к которым в большей степени свойственно женщинам, являются ряды однородных членов предложения.

Вымолить, выпеть, выстрадать - проворонить! -

За руку не держать, не бежать - навстречу

Выпорхнуть, выпасть, вылететь - и в вагоне
Перевести дыхание. "Завтра легче" (Сороки).

Ряды однородных членов здесь акцентируют внимание на действии, тесно связанном с эмоциональным состоянием лирической героини; контекстуальные синонимы, положенные в основу, подчеркивают оттенки переживаний и создают многогранный образ.

Эта зима перелётов и переплётов,
Переплетений и встреч, разговоров и кухонь
(Ты меня слушаешь снова - едва ли! - в пол-уха),
Эта зима поездов, полуснов, городов... (Эта зима перелетов и переплетов...)

Несогласованные однородные определения создают емкий и динамичный (существительные, выступающие в роли определений, содержат сему «действие», а множественное число указывает на его неоднократность) образ периода в отношениях героев.

Я был никому не нужен:
Ни людям, ни снам, ни листьям.
Бродил по пустым вокзалам,
Стучался в нищи дома... (Я был никому не нужен...)

Градация способствует усилению эффекта перечисления и делает акцент на абсолютном одиночестве лирического героя, тем самым выполняя эмоционально-усилительную функцию.

Еще одной характерной особенностью можно считать употребление повторов различных видов. Анафора подчеркивает первую часть высказывания:

В этом городе нет пустынных дворов-колодцев
В этом городе нет каналов чтоб спрятать сердце (Говорю...)
Это просто ночь - успокойся, всё хорошо.
Это просто ночь - засыпай, тебе будут сниться

Кружевные воздушные крепости облаков,
Золотые перья сказочной доброй Птицы...

(Разгляди того, кто спрятался между строк...).

Анафорический повтор во втором случае обращает внимание на попытку убедить, успокоить. Совместно с анафорой рефрен служит для создания ритма и эмоционального настроения. Так рефрен «Когда нас не будет» в стихотворении «Когда нас не будет уже среди жителей города» играет роль смыслообразующего компонента: весь текст выстроен на представлении последствий ситуации, заявленной в рефрене. Повторение обращения «мой ангел» в стихотворении «Журавлиным клином» выполняет функцию акцентирования внимания на отношении лирической героини к собеседнику, раскрывает ее трепетные чувства и ее желание быть услышанной. Лексический выступает в роли средства создания атмосферы, при этом на первый план выдвигается многократность действия, его бесконечность: и кружит, кружит, кружит вьюга (Как пони - бегаешь по кругу); и тянутся, тянутся, тянутся провода – в бесконечность (О чем еще плакать).

Часто в сочетании с анафорой используется синтаксический параллелизм, выступающий в роли средства создания связи между элементами текста, на которые, по мнению автора, являются наиболее значимыми.

Вот билет

Вот вокзал

Вот поезд

(Без эпитафия, который слишком предсказуем)

Всё меньше света – особенно по вечерам,
Всё меньше тепла – особенно у людей. (Во втором лице)

Во втором случае синтаксический параллелизм служит для сопоставления изменений в природе и в отношениях между людьми.

Использование повтора на морфемном уровне позволяет усилить интенсивность значения, заключенного в повторяющейся части слова: чтобы никто – ничего – никому – никуда; белым-бела; пережить этот год, пережить... переждать.

Парцелляция, встречающаяся в стихотворениях, выполняет эмоционально-выделительную функцию, но и служит в качестве средства создания психологического портрета лирического героя/героини, средства имитации внутреннего монолога и внесения разговорных интонаций.

Двадцать четыре года бессонницы

Сами себе нагадали.

Глупые. (Двадцать четыре года бессонницы...)

Я перегорю. Опять. Через пару лет.

Я перестану видеть тебя во сне,

Но не забуду. Веришь ли?

(Мой милый ма...)

Встречающиеся в стихотворениях вводные слова «видимо», «видно», «быть может», «может быть», «возможно», «наверное» выражают значение неуверенности, предположительности, что характерно для женской речи.

Таким образом, стихотворения К. Мельниковой обладают единым гендерным стилем, который не зависит от того, является субъектом речи мужчина или женщина. В текстах, написанных от лица мужчины, поэтесса не прибегает к стилизации, о чем свидетельствует ряд особенностей женской письменной речи, которые характерны для каждого стихотворения. Тесную связь с женским письмом устанавливают слова, обозначающие или указывающие на чувства и эмоции, компаративные формы, глаголы в сослагательном наклонении, эллиптические конструкции, восклицательные и вопросительные предложения, вводные слова, повторы, однородные члены предложения и парцелляция. Единственным признаком мужской речи в стихотворениях является

употребление глаголов в форме повелительного наклонения, что можно объяснить жанровой природой текстов, а также невозможностью существования исключительно феминных черт.

2.3. Языковые средства выражения гендерных особенностей в стихотворениях В. Полозковой

В ходе исследования было проанализировано 133 текста В. Полозковой. На содержательном уровне на женское письмо указывает внимание к судьбе женщины, что проявляет себя через раскрытие эмоционального состояния лирической героини и ее внутренних качеств. Лирическая героиня в ряде текстов максимально сближена с образом автора, о чем свидетельствуют личные местоимения 1-го лица и определенно-личные предложения, а также ряд деталей, отмечающие род деятельности поэтессы и связанные с ним вопросы. Присутствует стихотворения, в которых отражена сущность собирательного образа женщины, что разъясняет контекст и употребление местоимения «мы»:

Генерируя вкусные чувства для скучных господ,

Мы обязаны хлопать глазами фарфоровых кукол

К признакам женского с точки зрения тематики можно отнести и размышления об отношениях с представителями противоположного, осмысление роли женщины и ее психологических отличий от мужчины.

Следует отметить, что среди 133 анализируемых стихотворений отсутствуют тексты, написанные от лица мужчины. Данный факт свидетельствует об ориентированности на женскую аудиторию, а также об установке на феминность текстов на уровне субъекта. При этом только в 62 произведениях можно обнаружить формальные средства выражения гендерной идентичности субъекта. К таким средствам относятся: глаголы в форме изъявительного наклонения прошедшего времени и условного наклонения; существительные, выступающие в роли приложения или составного именного сказуемого, в значении которых присутствует сема – женщина (безумица (А не скосит крейза), девица (Буду реветь), клуша (Вера любит корчить буку), мать (Время – знаток), подружка (Да что у меня), дурочка (Мой добрый Бузин), лесбиянка, дочь (Обыкновенна с

каждой из сторон), муза, жена, (Я), разбойница, дура (Я могу быть грубой)); имена собственные (Аня Грекова, Вера, Катя) , прилагательные в полной и краткой форме; порядковые числительные, а также числительное «одна».

Помимо традиционных средств создания образов: взаимохарактеристика, авторская характеристика, портрет; В. Полозкова для придания образам мужчины и женщины емкости использует поэтические приемы: метафоры, сравнения, эпитеты. Образ женщины представлен следующими оставляющими:

Внешность. Лексемы: мила и голубоглаза; красивая, как башни; атлетически сложена; большая, посмуглеть; бронзовая: и профилем и плечом; грациозна; синеглаза миндалевидно; сутулиться; мадонья улыбка;

Черты характера. Лексемы: угрюмая; злая; алчность, желчность, неумолимость; терпелива и не горда; стану злее; тверда и горда; нежна; сиятельна и смешлива; смиренная, будто агнец; беспрекословная, как знаменье; вздорная;

Эмоциональное состояние. Лексемы: улыбки подбиты, счастливая, словно старый полковник Фрилей,

Действия, взаимодействие с противоположным полом. Лексемы: обнимать, как бездной; отлучена; смотрю так нежно, как смотрит будущая жена; дружна; (буду); лгать; встречу — взвизгну да обниму; ношу, как заложника, в голове; дурачится, как дитя; волноваться; влюбленная по-акмеистски;

Детали, связанные с образом. Лексемы: сумки, сырость, рынки, кошки, метро;

Оценка себя. Лексемы: прочны, эксклюзивны, свободны, сильны; ноль, дырочка в номерке; неудачница; богиня; исполнительная клуша; недотепа тряпичная; разнеженная, раскормленная, тупая; прокаженная; обыкновенна, заурядна;

Роли в семье. Лексемы: сестры; мама; жена;

Обращения. Лексемы: девочка; родная; моя фея.

В структуре образа мужчины можно выделить подобные сегменты, но только с другим лексическим наполнением.

Внешность. Лексемы: медовый взор; безупречен; взор остр, прищурен, глумлив; глаза чистые; красавчик; миндальная форма глаз; гримаска девчоночья

Черты характера. Лексемы: благородный; мелочен; точен; злой, стальные нервы; раним и слаб;

Эмоциональное состояние. Лексемы: непоколебим,

Оценка лирической героиней или автором. Лексемы: хороший; вторичен; обычен; герой моих истерик и пантомим; молодой балбес; проходимец; подлец и хам; наглец; такой красивый; истинный царь и бог; дурачок;

Обращения. Лексемы: мой хороший; любезный; хороший мой; милый мальчик; мое счастье; мое солнце; мой свет; мальчик; милый; милый мой; мой юный друг; сударь; дурачок;

Сравнения: Как в море лодочка; как в небе чайка; как в спину плеточка, как светский плешиный лев; как за каменной стеной; умней и сильнее меня.

Обращает на себя внимание то, что наименее наполненной является группа, отражающая эмоциональное состояние, причем это характерно как для образа женщины, так и для образа мужчины. Ряд, содержащий лексемы со значением оценки героя или героини, является наиболее крупным. Следует заметить, что данные слова содержат в себе не только положительные, но и отрицательные коннотации. Оценочное значение придает речи иронические, торжественные, неодобрительные и презрительные оттенки. Можно отметить также и отличия в характеристике внешнего облика: если при создании женского образа автор пытается отразить общее впечатление от лица и фигуры, при этом указывая на различные подробности, а конструируя внешность мужчины,

поэтесса выделяет в основном глаза и связанные с ними детали. Однако и одному и другому лицу свойственна общая форма глаз: «синеглаза миндалевидно» и «миндальная форма глаз».

Для выражения взаимосвязи между образами мужчины и женщины автор нередко использует приемы сопоставления и противопоставления в рамках одного предложения или одной строфы. Чтобы отразить общность лирической героини и героя часто употребляется местоимение «мы»: «А сколько мы звучны, столько мы и увечны» (А что меня нежит); «Мы с тех пор любезны, нетрезвы и едва знакомы» (В Бале нычне закат); «Время подуспокоило нас обоих» (Встречу); «Но мы как-то разбились. Выронились. Распались» (Город). На тесную связь указывают и значения глаголов, используемые в текстах: «Мы, наверно, никогда с тобой не расстанемся» (Все топлюсь в перспективах каких-то муторных). При этом именно местоимение «мы» в стихотворениях является знаком отношений, на что есть указания в самих текстах:

И нету местоимения, кроме «мы». (Друг друговы вотчины).

Мы –

Не знаем друг друга.

Нас –

Нет еще как местоменья. (Я).

Никогда не случится «нас»

Как единства местоимений. (Я).

В данном случае местоимение «мы» – символ слияния интересов, намерений, чувств, деиндивидуализации, а также любовных отношений. На близость между людьми указывает и форма местоимения «друг друга» в названии первого стихотворения и тексте второго.

Однако есть синтаксические конструкции, которые позволяют отразить разность между образом мужчины и образом женщины: «Ты низложен, а я вовсе отлучена» (А что меня нежит); «Мы комический дуэт из дурочки и туняядца» (Мой добрый Бузин); «Я пахну тональным кремом.

Ты разведен со своим гаремом» (Я была Ромулом, ты был Ремом), «Беспечальность твоя, моя неживая злость» (Город). Важно, что создавая образы, поэтесса не использует антонимические пары, что свидетельствует об отсутствии в поэтической системе автора представлений о мужчине и женщине как о противоположностях.

На уровне лексики на женское письмо указывает использование диминутивов – 45 лексем. Как правило, употребляемые диминутивы имеют размерно-оценочное или оценочное значение: домишко, дырочка, плеточка, уголки, пузырек, зверек, подружка, мальчонка, глазки, кончики, конфетка, конфрочки, вертолетик, кабиночка, оградка, солнышко, стаканчик, Танечка, дурочка, язычок, пуговички, словечки, бочок, червоточинка, уголок. В стихотворениях В.Полозковой присутствуют диминутивы, образованные при помощи ряда суффиксов: -очк- (-ечк-, -ичк-), -к-, -ек- (-ик-), -ок-, -ишк-. Уменьшительно-ласкательное значение, которое может быть дополнено ироничны мили пренебрежительным оттенком оценки, появляется при присоединении одного из суффиксов к производящей основе с конкретно-предметным лексическим значением; это значение проявляет себя у единиц следующих лексико-семантических групп: 1) части тела (глазки, венка, язычок, бочок, пальчик); 2) строения, аппараты, их части (домишко, лодочка, вертолетик, кабиночка, лавочка, оградка); 3) предметы быта (плеточка, конфрочки, стаканчик, пузырек, пуговички); 4) живые существа и люди (чаечка, подружка, мальчонка, зверек, мальчишки, Танечка, дурочка). Отдельную группу представляют собой оценочные прилагательные с суффиксом -еньк-: мутненький, молоденький, чистенький, реденькие. Ряд диминутивов встречается в составе сравнительных оборотов: «река как венка» (И я не знаю что у тебя там); «Он как в море лодочка, он как в небе чаечка» (@@@); «Твоя куртка саднит на грязном снегу, как ранка...» (Глаза – пещерное самоцветье). Диминутивы в стихотворениях придают словам различную

эмоциональную оценку, это может быть ирония, пренебрежение, снисходительность, ласкательность.

Помимо слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами, в текстах используются иные составляющие эмоционально-оценочной лексики: слова, в значении которых уже содержится оценка (проходимец, хороший, нитье, брюзглива, хам, девка, моральный урод, милый, драгоценный); метафоры (ноль, дырочка в номерке, змея, агнец). Для описания чувств в стихотворениях применяются глаголы (смириться, любить, хотеть, волноваться, рыдать, грустить, обожать) прилагательные (влюбленный, веселый, разочарован, безрадостен разбит) существительные в прямом и переносном значении (жар, сушь, тоска). Стоит обратить внимание на то, что автор подбирает слова как высокого стиля (низложен, глумливый, нарочито, торжествует, ниспадающая, беспрекословная), что является одним из признаков женской письменной речи, так и разговорного (заляпать, подохнуть, недотепа, пацаны, малеха, дурачиться) для придания речи непринужденности.

На морфологическом уровне особое внимание на себя обращает частота встречающихся кратких форм прилагательных и причастий – 167 единиц. Краткие формы в текстах могут быть традиционно образованы от полных качественных прилагательных и причастий: бесценны, голоден, всесилен, прочны, эксклюзивны, учтив, горда, приложена, рекомендованы, скомканы, подбиты, пристыжен, оглушена. Немногочисленную вторую группу составляют краткие формы, образованные от относительных прилагательных, что обусловлено развитием качественного значения в условиях данного языкового контекста: голубоглаза, всевидящ, штучен, сливочен, пустынно. Именно для женщин характерен более широкий диапазон чувств и эмоций, в результате чего создается впечатление, что женские чувства и настроения переменчивы; поэтому интенсивность употребления кратких форм можно объяснить стремлением автора придать динамичность, подчеркнуть непостоянство героев, их чувств и отношений.

В.В. Виноградов утверждал, что «краткие формы присущи лишь тем качественным прилагательным, которые допускают видоизменение качества и превращение его в качественное состояние, протекающее во времени и приписываемое лицу или предмету. Качества, являющиеся неподвижными, постоянными вневременными свойствами предметов или лиц или служащие терминологическими обозначениями признаков тех или иных родов и видов предметов, не могут выражаться краткой формой имени прилагательного.... Полные прилагательные даже в предикативном употреблении обозначают, что признак в предмете бывает постоянно, что существование признака охватывает весь период бытия предмета. Напротив, краткие прилагательные выражают, что признак в предмете пребывает непостоянно, является временным его состоянием [13].

Как женскую письменную речь характеризует тексты В. Полозковой и употребление компаративных форм имен прилагательных и наречий – 41 лексема. Во многих случаях прилагательные в простой сравнительной степени служат средством раскрытия внутреннего состояния героя или героини (что чаще) или подчеркивания интенсивности проявления той или иной черты характера: «Он благородней» (Веришь их козням?); «Мне спокойнее, чем другим...» (В трубке грохот дороги смех); «Я ведь интересней несметных орд всех твоих игрушек» (Я могу быть грубой). В стихотворениях встречается компаративная форма, образованная от качественных прилагательных, и формы прилагательных, обозначающих признак, постоянно присущий предмету и традиционно не способный изменять свою интенсивность, т.е. образованные от относительных прилагательных. Например, «Там безлюдней вспотевших лбом подворотен и пустырей» (В трубке грохот дороги смех); «Старая стала: происходящее все отдельнее и чужей» (И если летом она казалась царевна Лыбедь). При образовании сравнительной степени сравнения относительное прилагательное приобретает большую

семантическую емкость, актуализируются его качественные составляющие, слово приобретает новый смысл.

Помимо глаголов в изъявительном наклонении, в текстах В. Полозковой достаточно часто встречаются формы сослагательного – 29 единиц, и повелительного наклонения – 64 единицы. Сослагательное наклонение в стихотворениях обозначает желательное действие: «И кто сказал бы мне, почему так» (И я не знаю, что у тебя там); «Мне бы только не ляпнуть в шутку – удержаться и промолчать» (Мне бы только хотелось); «Мне бы тоже кричали браво» (Так беспомощно); «Попросить бы бинтов намоченных к изголовью мне принести» (Либо совесть приучишь к пятнам), а также возможное действие при каких-либо условиях: «А раньше были бы велики» (И если летом она казалась царевна Лыбедь); «Сомной отчаянно повезло бы кому-то пахнущему, как ты» (Впитать и все унести под кожей); «А если б они прислушались! Если б мозга коснулся сигнал – ведь были бы виртуозы!» (Наши мужчины в сущности это ведь). Именно глаголы в форме сослагательного наклонения характерны для женской письменной речи. Глаголы в повелительном наклонении традиционно выражают совет и просьбу: «Да не о чем плакать, Бога-то не гневи. Недохнешь – живи, не можешь – седи язвы» (Да не о чем плакать); «Не подходи на шаг к моему ребенку. Не улыбайся хищным бескровным ртом» (Время – знаток); «Вот ты теперь поди-ка да попляши» (Буду реветь); «Только не губи себя – уходи, пожалуйста» (Слушай нет со мной тебе делать нечего). Часто формы повелительного наклонения употребляются в предложениях с обращениями: «Довольствуйся малым, мой свет, учись ничего не ждать» (Довольствуйся малым); «Не трогайте, доктор, хватит» (Нет), «Прости им это, Отче» (***), «Не рыдай, мой хороший, – теперь это не продается» (А ты думал, зачем мы влюбляемся в киноактрис). Предпочтительное использование императива объясняется повышенной экспрессивностью стихотворений, установкой сетевой поэзии на близость читателю через разговорность речи.

Еще одной формой глагола характерной для текстов В. Полозковой является деепричастие – 54 единицы. Обозначая добавочное действие, которое выступает в качестве второстепенного по отношению к основному (выраженному глаголом в роли сказуемого), деепричастие позволяет отразить в речи такую феминную черту, как желание указать подробности, внести оговорки, дополнения и поправки, всесторонне раскрыть ситуацию или образ. Преобладают деепричастия конкретного действия: «Натирает до красноты; чертыхаясь, раясь, уставая от курток, затхлости и соплей» (А не скосит крейза); «А что, говорю я, дверь приоткрыв сутуло» (А что, говорю я, дверь приоткрыв сутуло); «Что говорит, распахнув телефонный слайдер, о толстой тетке» (Где твое счастье?). Так как в поэзии В. Полозковой особо значима эмоциональная составляющая, то вторую по численности группу представляют собой деепричастия физического и душевного состояния: «Как подденут тебя носком – улыбайся им, тяжелея» (***)»; «Так и буду одна стоять, оседаю внутри клубами. (***)»; «И расслоишься, как ногтей края; истаешь, обесценысь» (Дробишься). Стоит также обратить внимание на то, что большинство деепричастий употребляются в составе распространенного обстоятельства, выраженного деепричастным оборотом: «А я могу лишь, выдохнув едва, мечтать о мощном антидепрессанте» (***)»; «Твое имя за мною гонится подворотнями, вылетая из уст прохожих и продавщиц» (Все топлюсь вроде в перспективах каких-то муторных); «Раз - и звук отойдет, вроде околупродных вод, обнажив в голове пустой, запыленный сквот» (Да не о чем плакать); «И, трюмы заполнив хохотом, серебром дождливым московским – всяким таким добром, устанем, причалим, сядем к ребру ребром» (Друг друговы вотчины). Распространенность подобных обстоятельств указывает на то, что добавочное действие, обозначаемое деепричастием, имеет принципиальное в данном контексте значение.

На уровне синтаксиса к признакам женского письма в текстах В. Полозковой можно отнести эллиптические конструкции,

парцеллированные конструкции, ряды однородных членов; повторы и вводные слова со значением неуверенности. Эллиптические конструкции традиционно используются в текстах для придания стилю разговорности и экспрессивности. В анализируемых стихотворениях в большинстве случаев опущено сказуемое, выраженное глаголом наличия или бытия: «под нею – сцена» (Взглядом снимет скальп, но умеет плакать); «Но мы как-то разбились. Выронились. Распались» (Город); «А со временем – все равнее» (***)»; «Дыры в нем – с море Беринга или Баренца!» (Жить надо без суфлеров), «Нынче – ни Дуче, ни команданте Че» (Да). Парцеллированные конструкции позволяют передать ход размышлений автора или лирической героини, усилить воздействие на читателя, что подчеркивается графически на уровне строфики. Л.Г. Кайда отмечает особую природу этого синтактико-стилистического средства. По ее мнению, при помощи приема парцелляции происходит объединение позиции автора, который по своему усмотрению разделяет сообщение на части, и позиции читателя, который восстанавливает смысл сообщаемого из нескольких смысловых частей. [46] Наиболее распространенной моделью парцелляции в исследуемых текстах стала парцелляция однородных членов предложения:

Я.

Ниспадающая.

Ничья.

Беспрекословная, как знаменье.

Вздорная. (Я)

Но мы как-то разбились.

Выронились.

Распались.

(Город)

Кроме того, парцелляция способствует усилению эмоциональной составляющей стихотворного текста, так как создает впечатление, что

мысль появляется в настоящий момент; возникает ощущение внутреннего монолога, раскрывающего личные переживания. Парцелляция толкуется как признак феминной речи в связи с тем, что женщины чаще, чем мужчины, стремятся проговаривать собственные мысли.

Обращает на себя внимание многократное использование рядов однородных членов – 72 конструкции, что связано со стремлением автора к точности в описании явлений действительности и действий, которые выступают в роли импульса для эмоциональных переживаний лирической героини. Также именно однородные члены предложения отражают женскую склонность к подробному и всестороннему раскрытию образов, событий, свойств. В качестве однородных могут выступать любые члены предложения, однако наиболее популярными в стихотворениях В. Полозковой являются однородные сказуемые. Например, в ряде стихотворений однородные составные именные сказуемые позволяют через раскрытие различных признаков присущих предмету или лицу в роли подлежащего подчеркнуть неоднозначность и многогранность последнего: «Рынок голоден, всемогущ и громкоголос» (А ты думал, зачем мы влюбляемся в киноактрис); « Мир был с нами дружен, радужен и несложен» (А что меня нежит); «А взор у тебя остер, прищурен, глумлив...» (***)»; «Ты делаешься спокойный, безмолвный, ветхий...» (Декабрь). Для конкретизации используются также и однородные обстоятельства: «Заглянут в паспорт, глаза и карманы» (В Баие нынче закат); «Выпасть из вертикалей, понтов и регалий, офисных зазеркалий...» (Все бегаем); «Между псами, днями, ногами, урнами ходят служащие-дожди» (Аня Грекова).

С целью придать речи большую эмоциональную силу, характерную для женского письма, и акцентировать внимание на необходимых деталях автор использует такие приемы, основанные на повторе, как анафора и синтаксический параллелизм. Большинство встречающихся в текстах

В. Полозковой анафор являются контактными, то есть повторяются начальные элементы соседних предложений:

Мне без тебя не сбыться.

Мне без тебя не быть (Думала сами ищем)

Анафора создает эффект постепенного усиления смысловой нагрузки, а также способствует установлению логической связи между структурными элементами текста или предложения.

Острый локоть –

В грудную мякоть:

Чтоб не ёкать

И чтоб не плакать;

Чтоб не сохнуть

И чтоб не вякать –

Чтобы охнуть

И рухнуть в слякоть (***)

Нередко анафора используется в сочетании с синтаксическим параллелизмом:

Девочка – черный комикс, ну Птица Феникс, ну вся прижизненный анекдот.

Девочка – черный оникс, поганый веник-с, и яд себе же, и антидот.

Девочка – двадцать конниц, две сотни пленниц, кто раз увидит, тот пропадет (Девочка – черный комикс)

Синтаксический параллелизм выступает в качестве средства связи и подчеркивает связь элементов, которые располагаются параллельно.

А что меня нежит, то меня и изгложет.

Что нянчит, то и прикончит (А что меня нежит)

Ты – искришься своим Моэтом,

Ты – шутя предлагаешь помощь. (В винных карта все так невинно)

Перелагая классику для ленивых,

Перевирая истину для богатых (Игорю)

Помимо повторов на уровне синтаксиса, можно наблюдать повтор морфем: «Отрыдано, оттанцовано, отпето, перелицовано, отписано – зарубцовано и заперто - на потом» (Исписанными блокнотами). С помощью повторов и однородных членов предложения автор воссоздает живую эмоциональную женскую речь.

Для усиления образности в стихотворениях используются сравнения – 112 единиц. Сравнение в анализируемых текстах чаще всего оформляется при помощи сравнительных союзов «как» и «словно»: «Чтоб я не рыдала каждый припев, сипя, как крашенная певичка из ресторана» (Давай будет так); «Дурачится, как дитя» (Девочка черный комикс); «Время ходит с совочком, словно горничная» (***)»; «А то так и будешь годами ждать, словно Вечный Жид» (Довольствуйся малым); «Вот оно – твое имя, словно клеймо на лбу» (Думала сами ищем); «И вечер порченным будет, как суп харчо» (Друг друговы вотчины). Такое количество сравнений в текстах может быть связано с тем, что женщины чаще, чем мужчины прибегают к творческому и интуитивному постижению действительности [].

Для усиления эмоциональности стихотворений служат восклицательные предложения – 77 единиц, при этом велика доля побудительных восклицательных предложений, выражающих просьбу или приказ. Например, «Перестаньте!»; «Спасайся!»; «А ну-ка быстро лицом к стене!»; «Глянь ты!»; «Бери!»; «Говорите!»; «Боже, смилостивись!»; «Иди!»; «Штурмуй обрюзгшие верхи, проси тираж и крупный гонорар!»; «Не губите!». Употребление восклицательного знака рядом с обращениями – выражение эмоции, призыва, что свойственно женской речи. Для создания эффекта внутреннего диалога в стихотворениях применяются вопросительные предложения – 98 единиц. Использование риторических вопросов представляет собой черту женской речи, так как для женщин характерно проговаривание собственных мыслей. Общее количество вводных слов со значением неуверенности в шесть раз

превышает количество вводных слов, обозначающих констатацию факта, что является еще одним признаком женского теста. Стоит обратить внимание на то, что в качестве вводных слов, выражающих сомнение, употребляются только три лексемы: может быть, наверное, вероятно.

Таким образом, в стихотворениях сетевой поэтессы В. Полозковой можно обнаружить следующие черты женской письменной речи: диминутивы, эмоционально-оценочные слова и слова, выражающие чувства и эмоции, компаративные формы прилагательных, глаголы в сослагательном наклонении: эллиптические конструкции, восклицательные и вопросительные предложения; риторические вопросы, вводные слова со значением неуверенности, ряды однородных членов предложения; повторы, парцеллированные конструкции. При этом присутствует только один признак мужского стиля – употребление глаголов в повелительном наклонении, что объясняется установкой на воздействие и спецификой жанровой природы стихотворений. Важно, что приметы феминности встречаются многократно, что позволяет говорить о целостности гендерного стиля.

Заключение

В результате проведенного анализа было выявлено, что гендер в текстах «сетевой поэзии» может проявлять себя эксплицитно, т.е. по средствам номинаций при помощи существительных, в значении которых есть сема «пол», а также употребления глаголов в форме изъявительного наклонения прошедшего времени и условного наклонения и прилагательных с именами существительными, обозначающих лиц мужского или женского пола.

Гендерные особенности проявляют себя лексическом и грамматическом уровне, а также на уровне содержания.

В стихотворениях сетевых поэтесс можно выделить ряд общих особенностей, характерных для женской речевой модели: эмоционально-оценочные слова, слова, обозначающие чувства, компаративы, эллиптические конструкции, вопросительные и восклицательные предложения, парцелляция, фигуры повтора, однородные члены предложения, вводные конструкции со значением неуверенности. Кроме того, для стихотворений В. Полозковой и Ю. Соломоновой характерно использование диминутивов и приблизительных обозначений, а для текстов К.Мельниковой и Ю. Соломоновой – вставных конструкций, отражающих стремление к «саморокоррекции» и поиск нужной фразы, свойственные женщинам.

Признаков мужской речи в анализируемых стихотворениях меньше: сниженная и нецензурная лексика (у Ю. Соломоновой), глаголы в повелительном наклонении (у всех авторов). Наличие мужских черт объясняется тем, что маскулинность и феминность являются абстрактными конструктами, а реальная гендерная идентичность не может включать в себя только признаки маскулинности или феминности – происходит смешение характеристик в той или иной пропорции.

В стихотворения присутствует большое количество языковых единиц, конструирующих образы мужчины и женщины, а также их взаимосвязь, что свидетельствует об их значимости в индивидуально-авторской картине мира поэтесс. В структуре образов женщины и мужчины стихотворениях «сетевых поэтесс» при исследовании были выявлены следующие сегменты, представленные рядом лексем: внешность, родственные отношения, семейное положение, характер, обращения, отношения с противоположным полом. Также можно отметить частично стереотипное представление о женщине, а чем свидетельствуют клишированные сочетания, репрезентирующие образ женщины.

На содержательном уровне на женское письмо указывает внимание к судьбе женщины, что проявляет себя через раскрытие эмоционального состояния лирической героини и ее внутренних качеств. К признакам женского с точки зрения тематики можно отнести и размышления о проблемах женственности, красоты (с различных ее сторон), одиночества, отношений между мужчиной и женщиной, молодости, счастья и внутренних конфликтов. Раскрытие подобных тем в том или ином ракурсе соответствует стереотипным представлениям об интересах женщин. При этом в большинстве случаев тема раскрывается на основе ситуации из жизни женщины.

Библиография

- 1) Агеев В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов / В.С. Агеев // Вопросы психологии.–1987.–«2.– С.152-158.
- 2) Антология гендерной теории / авт.-сост. Е.И. Гапова, А.Р. Усманова.– Минск: ПроPILEI, 2000.– 140 с.
- 3) Баженова И.С. Конвенции обозначения эмоциональности мужчин и женщин в художественной прозе / И.С. Баженова // Гендер: язык, культура, коммуникация: сборник тезисов докл. Третьей международной конф., 27–28 ноя. 2003г.– Москва, 2003. – С. 20-21.
- 4) Барышникова Г.В. Диахронический аспект гендерной номинации оценки/ Г.В. Барышникова // Гендер: язык, культура, коммуникация: сборник тезисов докл. Третьей международной конф., 27–28 ноя. 2003г.– Москва, 2003. – С. 21-22.
- 5) Белая Н.В. О проявлении гендерных различий в языке [Электронный ресурс] / Н.В.Белая // Rhema. Рема.–2009. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-proyavlenii-gendernyh-razlichiy-v-yazyke> (дата обращения: 7.02.2017)
- 6) Богачева М.В. Специфика гендерной дифференциации языковых средств [Электронный ресурс] / М.В. Богачева.– Режим доступа: <http://movoznavstvo.com.ua/download/pdf/2008/10.pdf> (дата обращения: 16.12.2016)
- 7) Божанова Н.Г. Гендерные исследования в лингвистике: история, современность, перспективы / Н.Г. Божанова // Вестник Тамбовского ун-та.– 2012.–№5 (109).–С.69-74.
- 8) Брагина А.А. Наблюдения над категорией рода в русском языке / А.А. Брагина // Вопросы языкознания.–1981.–№5.–С.68-78.
- 9) Варданян О.А. К вопросу о гендерной природе поэтических текстов / О.А. Варданян // Гендер: язык, культура, коммуникация: сборник

тезисов докл. Третьей международной конф., 27–28 ноя. 2003г.– Москва: Изд-во Моск. гос. лингв. ун-та, 2003. – С. 26-27.

10) Васильева И.Б. К вопросу о гендерной вариативности в языке [Электронный ресурс] / И.Б. Васильева.– Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/1101479/> (дата обращения: 5.03.2017)

11) Васькова О.А. Представление гендера во фразеологических словарях / О.А. Васькова // Гендер: язык, культура, коммуникация: сборник тезисов докл. Третьей международной конф., 27–28 ноя. 2003г.– Москва, 2003. – С. 27-28.

12) Введение в гендерные исследования: учеб. пособие для студентов вузов / под общ.ред. И.В. Костиковой. –Москва: Аспект Пресс, 2005.–255 с.

13) Виноградов В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове: учеб.пособие / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – Москва: Высшая школа, 1972. – 614 с.

14) Виноградова С.М. Мужчина и женщина: параллельные миры? / С.М. Виноградова // Вестник рос. филос. Общества.–2016.–№ 2.–С.28-31.

15) Винокурова И.А. Женщины и мужчины в науке: двойной портрет / И.А. Винокурова // Социологические исследования.– 1999.–№4.– С. 82-86.

16) Вовк Е. Женские профессии на фоне мужских / Е.Вовк // Социальная реальность.2006.–№6.–С.73.

17) Войченко В.М. Отражение гендерных стереотипов в языке и культуре [Электронный ресурс] / В.М. Войченко// Вестник Волгоградского государственного университета.–2009.– Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-gendernyh-stereotipov-v-yazyke-i-kulture> (дата обращения: 3.03.2017)

18) Воронина О.А. Гендерные аспекты идентичности / О.А. Воронина // Человек.–2012.–№6.– С.15-31.

- 19) Воронина О.А. Женщина в мужском обществе //О.А. Воронина // Социологические исследования.–1988.–№2.–С.104-110.
- 20) Гаранович М.В. Вариативность гендерных стереотипов в зависимости от социальных параметров говорящих: дис ...канд. филол. наук/ М.В. Гаранович; Перм. гос.ун-т. – Пермь: [б.и.], 2011. – 272 с.
- 21) Гендерный калейдоскоп: курс лекций / под ред. М.М. Малышевой.– Москва: Academia, 2001. – 520 с.
- 22) Геодакян В.А. Эволюционная теория пола / В.А. Геодакян // Природа.–1991.–№8.–С.60-69.
- 23) Горошко Е.И. Гендерная проблематика в языкознании [Электронный ресурс] / Е.И. Горошко.– Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> (дата обращения: 15.01.2017)
- 24) Горошко Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения (психолингвистический анализ):дис. ... канд. филол. наук / Е.И. Горошко; Ин-т языкознания.– Москва:[б.и.], 1996.– 179 с.
- 25) Горошко Е.И. Особенности мужского и женского стиля письма / Е.И. Горошко // Гендерный фактор в языке и коммуникации :сб. науч. тр.–Москва, 1999.– Вып. 446.–С28-41.
- 26) Горошко Е.И. Проблемы изучения особенности мужского и женского стиля речи / Е.И. Горошко // Формирование коммуникативных и интеллектуальных навыков школьников и студентов.– Днепропетровск, 1994.–С. 160-169.
- 27) Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма / Е.И. Горошко // Методология современной психолингвистики: сб. науч. тр.–Москва, 2003–С.99-102.
- 28) Григорян А.А. Состояние и перспективы гендерной лингвистики на западе в конце XX – начале XXI веков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / А.А. Григорян; Иван. гос. ун-т.– Волгоград: [б.и.],2005.– 19с.

- 29) Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: дис. ... д-ра филол. наук / Е.С. Гриценко; Нижегород. гос. лингв.ун-т им.Н.А. Добролюбова.– Н.Новгород: [б.и.], 2005.– 405с.
- 30) Грошев И. Как принимают решения женщины и мужчины руководители / И.Грошев // ЭКО.–1996.–№ 4.–С 25-29.
- 31) Давыдкина Н.А. Немножко о женской речи в художественной прозе / Н.А. Давыдкина // Русская словесность.–2004.–№7.– С. 63-66.
- 32) Дежина Т.П. О некоторых особенностях речевого поведения мужчин и женщин / Т.П. Дежина // Филологические науки. Вопросы теории и практики.–2011.–№1(8).–С.68-71.
- 33) Дресвянина А.В. Понятие «гендерная идентичность»: сущность основные исследовательские подходы [Электронный ресурс] / А.В. Дресвянина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: гуманитарные и социальные науки.–2009.– Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-gendernaya-identichnost-suschnost-i-osnovnyie-issledovatel'skie-podhody> (дата обращения: 14.03.2017)
- 34) Елемешина Ю.А. Проявление гендерных различий на сегментном и суперсегментном уровнях языка [Электронный ресурс] / Ю.А. Елемешина // Вестник Моск. гос. лингв. ун-та.–2010.– Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/proyavlenie-gendernyh-razlichiy-na-segmentnom-i-suprasegmentnom-urovnyah-yazyka> (Дата обращения: 03.04.2017)
- 35) Елистратова К.А. Ономастикон поэтического дискурса Веры Полозковой: лингвосемиотический аспект: дис. ... канд. филол. наук / К.А. Елистратова; Череповецкий гос. ун-т.– Череповец:[б.и.], 2005.– 169 с.
- 36) Ермакова Л.А. Гендерно маркированные языковые средства в стихотворении М.Цветаевой «Попытка ревности» / Л.А. Ермакова // Вестник Костромского гос. ун-та.–2013.–№4.–С.126-128.
- 37) Женщина. Гендер. Культура / Под ред. З.Хоткиной, Н.Пушкаревой, Е.Трофимовой.–Москва: МЦГИ, 1999.–368с.

38) Захарова Т.Н. Языковые средства выражения гендера в процессе виртуальной коммуникации (на примере чатов для знакомства «15+», «FLIRT») / Т.Н. Захарова // Гендер: язык, культура, коммуникация: сборник тезисов докл. Третьей международной конф., 27–28 ноя. 2003г.– Москва, 2003. – С. 48-49.

39) Иванова М.В., Родин М.В. К вопросу о современной поэзии в контексте развития информационных технологий [Электронный ресурс] / М.В. Иванова, М.В. Родин. – Режим доступа: <http://litfront.ru/modern-poetry.html> (дата обращения: 4.03.2017)

40) Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины / Е.П. Ильин.–СПб., 2002. – 336с.

41) Исламова Ф.А. К вопросу о гендерных отношениях в языке [Электронный ресурс] / Ф.А. Исламова // Вестник Башкирского университета.– 2015.– Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-gendernyh-otnosheniyah-v-yazyke> (дата обращения: 30.03.2017)

42) Кавинкина И.Н. Диминутивы как маркеры языкового сознания мужчин и женщин / И.Н. Кавинкина // Словообразования и номинативная деривация в славянских языках: мат. VI Межд. науч. конф.: в 2-х ч. – Ч.1. – Гродно, 1998.–С.25-31.

43) Кавинкина И.Н. Проявление гендера в речевом поведении носителей русского языка [Электронный ресурс] / И.Н. Кавинкина.– Режим доступа: http://ebooks.grsu.by/kavinkina_gender/index.htm (дата обращения 02.02.2017)

44) Каган В.Е. Половая идентичности и развитие личности / В.Е. Каган // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. Бехтерева.– 1991.–№4.–С.25-33.

45) Каган В.Е. Стереотипы мужественности-женственности и образ «Я» у подростков / В.Е. Каган // Вопросы психологии. 1989.– № 3.– С.53-62.

- 46) Кайда Л.Г. Эффективность публицистического текста / Л.Г. Кайда.– Москва: Изд-во МГУ, 1989.– 183 с.
- 47) Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты / А.В. Кирилина.– М.: Институт социологии РАН, 1999.– 189 с.
- 48) Кирилина А.В. Гендерные аспекты массовой коммуникации / А.В.. Кирилина // Гендер как интрига познания.– Москва, 2000.–С. 24-40.
- 49) Кирилина А.В. Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (философский и методологический аспекты) / А.В. Кирилина // Общественные науки и современность (ОНС).–2000.– №4.–С.138-143.
- 50) Кирилина А.В. Гендерные исследования в отечественной лингвистике: Проблемы, связанные с бурным развитием / А.В. Кирилина // Доклады Второй международной конференции «Гендер: язык, культура, коммуникация», МГЛУ, Москва, 22–23 ноября 2001 г.– Москва, 2002.–С.5-12.
- 51) Кирилина А.В. Лингвистические гендерные исследования как проявление смены эпистемы в гуманитарном знании / А.В. Кирилина // Вестник Военного ун-та.–2010.–№4(24).–С.110-114.
- 52) Кирова А.Г. Развитие гендерных исследований в лингвистике [Электронный ресурс] / А.Г. Кирова // Вестник Томск. гос. ун-та. – 2009.– Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-gendernyh-issledovaniy-v-lingvistike> (дата обращения: 11.12.2016)
- 53) Клецина А.С. Гендерная социализация / А.С. Клецина.– СПб.: Изд-во РГПУ, 1998.–92с.
- 54) Клецина И.С. Психология гендерных отношений. Теория и практика / И.С. Клецина.–СПб., Алетейя, 2004.–408с.
- 55) Комиссарова О.В.Фразеологический фонд русского языка: способы маркирования гендерных отношений / О.В.Комиссарова // Язык и культура.–2010–№2 (10).–С.22-27.

56) Кон. И.С. Психология половых различий / И.С. Кон// Вопросы психологии.–1981.–№2.–С.53.

57) Коноплева Н.А. Словарь гендерных терминов / Н.А. Коноплева.–Москва: Информация–XXI век, 2002.–92 с.

58) Коробейникова А.А. Мужчина глазами женщины: лексический аспект: на материале женской поэзии XXвека: дис. ... канд. филол. наук / А.А. Коробейникова; Оренбуг. гос. ун-т.– Оренберг: [б.и.], 2008.–173 с.

59) Короткова М.О. Влияние гендерного фактора на речевое поведение [Электронный ресурс] / М.О. Короткова // Приволжский науч. вестник.– 2015.– Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-gendernogo-faktora-na-rechevoe-povedenie> (Дата обращения: .14.01.2017)

60) Костикова И. Перспективы гендерного образования в России: взгляд педагога / И.Костикова // Высшая школа в России.–2001.– №2.– С.68-75.

61) Крючкова Т.Б. Некоторые исследования особенностей использования русского языка мужчинами и женщинами / Т.Б. Крючкова// Проблемы психолингвистики .– М., 1975.–С. 186 -199.

62) Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца 20 века / под.ред Ю.С. Степанов.–Москва, 1995.–С.144-238.

63) Кузниченко Л.В. К вопросу об исследовании письменной речи в криминалистике (проблема установления пола автора текста) / Л.В. Кузниченко // Гендер: язык, культура, коммуникация: сборник тезисов докл. Третьей международной конф., 27–28 ноя. 2003г.– Москва, 2003. – С. 68-69.

64) Кульбицкая Л. Гендерные аспекты языка и речи / Л. Кульбицкая // Женщина. Образование. Демократия: материалы 3-й международной междисциплинарной научно-практической конференции.– Минск, 2001.– С.336-338.

- 65) Курилович Н. Языковая репрезентация гендера / Н. Курилович // Иной взгляд. Международный альманах гендерных исследований.– Минск, 2001.–С.26-27.
- 66) Лукина О.Ю. О различиях мужской и женской речи / О.Ю. Лукина // Антропологическая лингвистика: сб. науч. тр.– Волгоград, 2009 .– Вып. 11.–224 с.
- 67) Минор А.А. Современная сетевая поэзия в контексте развития информационных технологий / А.А. Минор // Вестник научных конференций.–2016.–№ 4-3 (8).– С. 93-95.
- 68) Мирходжаева М.И. Гендерный подход в современной лингвистике [Электронный ресурс] / М.И. Мирходжаева // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие.–2015.– Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-podhod-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 12.02.2017)
- 69) Митина О.В., Петренко В.Ф. Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения (в Росси и США) / О.В. Митина, В.Ф.Петренко // Вопросы психологии.–2000.–№1.–С.68.
- 70) Морозова О.Е. Гендерный конфликт в идентичности мужчин и женщин / О.Е. Морозова // Аспирант и соискатель.–2007.– №5. – С.30-32.
- 71) Нерознак В.П. Языковая личность в гендерном измерении / В.П. Нерознак // Гендер: язык, культура, коммуникация: тез I междунар. конф. –Москва, 1999.–С.70-71.
- 72) Остапенко А.Б. Гендер и особенности его проявления в лингвистике / А.Б. Остапенко.– Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2016.–91 с.
- 73) Ощепкова Е.С. Стереотипные представления о «мужском» и «женском» текстах в сознании носителей русского языка / Е.С. Ощепкова // Гендер: язык, культура, коммуникация: сборник тезисов докл. Третьей международной конф., 27–28 ноя. 2003г.– Москва, 2003. – С. 83-84.

74) Пермякова О.В. Явление гендерной стилизации в современной женской литературе (на материале французского и русского языка): дис. ... канд. филол. наук / О.В. Пермякова; Перм. гос. ун-т.–Пермь: [б.и.], 2007.–176 с.

75) Петренко С.Н. Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой [Электронный ресурс] / С.Н. Петренко // Известия Волгоградского педагогического университета. –2014. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pirozshki-i-poroshki-setevaya-poeziya-mezhdu-folklorom-i-literaturoy> (дата обращения: 15.04.2017)

76) Пиз А. Язык взаимоотношений мужчины женщина / А. Пиз, Б. Пиз.– Москва: Эскмо-Пресс, 2007.–400с.

77) Погребная В.Л. Художественные приметы женского творчества (на материале романистики писательниц 1860–80-х гг.) / В.Л.Погребная // Гендер: язык, культура, коммуникация: сборник тезисов докл. Третьей международной конф., 27–28 ноя. 2003г.– Москва, 2003. – С. 86-87.

78) Пономарева Е.В. «Оппозиция» или «позиция»: сетевая литература в современном литературном пространстве / Е.В. Пономарева // Уральский филологический вестник. Русская литература XX-XXI веков: направления и течения. –2012.–№1.–С.193-207.

79) Попова Е.А. Об особенностях речи мужчин и женщин / Е.А. Попова // Русская речь.–2007.–№3.– С.40-49.

80) Потапов В.В. Многоуровневая стратегия в лингвистической гендерологии / В.В. Потапов // Вопросы языкознания.–2002.–№1.–С.101-130.

81) Потапов В.В. Язык женщин и мужчин: фонетическая дифференциация / В.В. Потапов // Известия АН. Сер. лит. и яз. –1997.–№3.–С. 52-62.

82) Пушкарева Н.Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России [Электронный ресурс] / Н.Л. Пушкарева //

Историческая психология и социология истории.–2010.– Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-i-gendernaya-istoriya-itogi-i-perspektivy-razvitiya-v-rossii> (дата обращения: 12.03.2017)

83) Ракита Ю. Кремниевый век сетевой поэзии / Ю.Ракита // Октябрь.– 2003.–№4.

84) Русский язык в его функционировании / под ред. Е.А. Земской, Д.Н. Шмелева.– Москва: Наука, 1993.– 219с.

85) Сандыбаева К.Ж. Гендер в культуре и языке / К.Ж. Сандыбаева // Молодой ученый.–2016.–№27.–С.831-834.

86) Серова И.Г.Способы конструирования гендера в тексте и кинотексте [Электронный ресурс] / И.Г. Серова // Вестник Тамбовского университета. Серия гуманитарные науки. – 2011. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-konstruirovaniya-gendera-v-tekste-i-kinotekste> (дата обращения: 12.03.2017)

87) Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой.– Москва: Информация XXI век, 2002.–256 с.

88) Современный русский язык: синтаксис: учебник / Н.С. Валгина.– Москва: Высшая школа, 2003.– 416с.

89) Соколинская Е.Г. Способы конструирования гендерной идентичности в дискурсе часа / Е.Г. Соколинская // Гендер: язык, культура, коммуникация: сборник тезисов докл. Третьей международной конф., 27–28 ноя. 2003г.– Москва, 2003. – С. 103-104.

90) Сороколетова Н.Ю. Гендерные особенности речевого поведения [Электронный ресурс] / Н.Ю. Сороколетова.– Режим доступа: <http://docplayer.ru/34674191-Gendernye-osobennosti-rechevogo-povedeniya.html> (дата обращения: 27.12.2016)

91) Социология гендерных отношений. Учеб. пособие / Под ред. З.М. Саралиевой.–Москва: РОССПЭН, 2004.– 270с.

92) Степанов Е. Современная поэзия: тенденции начала XXI века / Е.Степанов // Дети Ра.–2008.–№9(47).–С.113-122.

93) Таннен Д. Ты меня не понимаешь! Почему женщины и мужчины не понимают друг друга: пер с англ. / Д.Таннен.–Москва: Вече: Персей: АСТ,1996.–429с.

94) Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / под общ. ред. О.А. Ворониной.– Москва : МЦГИ – МВШСЭН – МФФ, 2001. – 416 с.

95) Хачак Б.М. Система функциональных проявлений полоролевых различий в языке [Электронный ресурс]/ Б.М. Хачак // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение.–2013.– Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-funktsionalnyh-proyavleniy-polorolevyh-razlichiy-v-yazyke> (дата обращения: 26.02.2017)

96) Хоткина З.А. Гендерные исследования в России / З.А. Хоткина // ОНС – 2000.–№4.–С. 21-26.

97) Черных О.Ю. Семиотические средства конструирования гендера в педагогическом дискурсе: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19. /О.Ю. Черных; Моск. гор. пед. ун –т.– Москва: [б.и.], 2012. – 25 с.

98) Шахмайкин А.М. Проблема лингвистического статуса категории рода / А.М. Шахмайкин // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. –Москва, 1996.–С. 226-273.

99) Шмелева Н.Б., Хайсарова Г.М. Гносеологические основания возникновения и развития теории социального конструирования гендера / Н.Б. Шмелева, Г.М. Хайсарова // Вестник Казанского технологического ун-та.–20013.–№18.–С. 346-351.

100) Шомин Т.В. Категории, связанные с литературой, размещенной в сети internet / Т.В. Шомин // Вестник УлГГУ.–2012.–№2.– С. 12-14.

101) Юнаковская А.А. Гендерные исследования с исторической точки зрения / А.А. Юнаковская // Личность. Культура. Общество. – 2009.– № 1.– С.422-428.